

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ПОРЯДКОВЫЙ НОМЕР ПОДОНКА

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Порядковый номер подонка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9532799

Соболева, Лариса. Порядокный номер подонка : [роман] : АСТ; Москва;

2015

ISBN 978-5-17-087728-7

Аннотация

Жизнь пятерых друзей, бывших одноклассников, к тридцати восьми годам определилась. Кто-то из них поймал свою удачу, разбогател и стал уважаемым человеком, кто-то нет. Как бы там ни было, жизнь идет по накатанной колее, и изменить ее, казалось бы, уже не получится. Но... В один прекрасный момент перед каждым из них встает призрак прошлого, ожившее воспоминание о давнем, совершенном всеми преступлении. Первым не выдерживает Алексей: самоубийство. Следующим погибает Роберт. Оставшиеся понимают: теперь на очереди они...

Ранее книга выходила под названием «Оберег от порочной любви»

Содержание

1	5
2	16
3	28
4	39
5	50
6	62
7	75
8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Лариса Соболева

Порядковый номер подонка

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ»

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

1

Он едва не закричал от ужаса. Второй раз не ошибаются, она встретилась на том же месте. Или опять примерещилась? Тогда должна исчезнуть, следом пройдет и боль внутри, боль, ею причиненная, возникшая из воздуха и воображения. Второй раз Брасов не дышал и не сводил с нее глаз, поворачивая голову, затем корпус назад. Ему не мешали редкие капли, оставленные на заднем стекле морозящим дождем, а она не исчезала...

Она стояла, как и в прошлый раз, у края тротуара, узкие носки туфель касались бордюра, выкрашенного белой краской, за спиной высился газетный киоск. На ней был тот же легкий выцветший светло-красный плащ с закатанными по локоть рукавами, короткая черная юбка, кажется, трикотажная, красная кофточка с застежкой спереди. В руке она держала зонтик, а над головой раскинулся прозрачный купол с каплями, выглядевшими как ртутные шарики. Однажды в детстве Брасов разбил термометр, по столешнице разбежались капли, и, когда он карандашом подводил их друг к другу, они соединялись в шарики, не оставляя следов. Тогда они напоминали капли дождя на стекле, в то же время были чужеродными, самостоятельными сгустками, он не знал, как опасно для здоровья играть ими... При чем здесь разбитый термометр? Дурацкая ассоциация.

Всего миг, а Брасов запомнил такие мелочи, как черные квадратные крапинки на красном полотне немодной кофточ-ки. Дешевенький браслетик из разноцветных бусинок разной величины на запястье руки с зонтиком, выбившаяся прядь светлых волос упала на лицо... Что-то еще... Улыбка! Она улыбалась, совсем чуть-чуть, в сущности, движение губ даже нельзя назвать улыбкой, скорее, всегдашнее ее выражение – светлое и радостное. Стоп, кому она радовалась? Ему? И лет ей столько, сколько было тогда. Но ведь это невозможно!

Всего миг... Хрупкую фигурку закрыла маршрутка, сле-дующая за «мерседесом» Брасова, а за маршруткой – целая вереница автомобилей. Только после того, как она пропала, Брасов развернулся корпусом к лобовому стеклу и задышал часто-часто, громко и с перебоями, будто находился в газо-вой камере.

– Вам плохо, Юрий Артемович? – забеспокоился шофер.

Брасов вздрогнул, с изумлением взглянув на парня, и вспомнил, что вообще-то едет на работу. Как странно, дев-чонка у дороги настолько выключила его из реальной жизни: водитель Игорь задал вопрос, а Брасов не расслышал.

– Что? – выдавил он, заставляя губы шевелиться.

– Вам плохо? Остановиться? Здесь нельзя, но могу свер-нуть.

– Останови... Нет, не плохо... Пить хочется.

– Так есть же. – Игорь открыл бардачок.

Жаль, нет ничего покрепче. Брасов, торопясь, вскрыл ми-

нералку, вода с шипением пролилась на брюки.

– А, черт! – стряхивая капли, ругнулся он.

Отпил несколько глотков, легче не стало. Вот если б сосудорасширяющего хлебнуть... Но спиртное в кабинете, пройдет целая вечность, пока он доберется до заветного шкафа.

Брасов с нетерпением ждал, когда Игорь припаркуется. Машина еще толком не остановилась, а он выскочил и бегом ринулся в кабинет, несмотря на статус руководителя и довольно плотную комплекцию. Он и в юности не отличался стройностью, когда же перевалило за тридцатник, вес прибавлялся пропорционально убывающим волосам – чем обширней лысина, тем больше стрелка весов отклонялась в нежелательную сторону. Борьба с весом длилась минимум один день в месяц, главный соблазн, еда, перекрывал все известные страсти, потому к тридцати семи Брасов напоминал огромный бурдюк, наполненный выдохшимся вином.

Он промчался мимо секретарши, в кабинете опрокинул рюмку коньяка в рот и замер, ожидая немедленной помощи. Чтоб она быстрее пришла, выпил вторую. Тело приобрело легкость за считанные минуты, Брасов почувствовал кайф, какой редко получал. Голова приобрела относительную ясность. Девчонка, стоявшая у дороги, перестала быть фантомом, нашлось объяснение: просто похожа. И взволновала похожестью, только ею. Той было семнадцать, этой примерно столько же, а прошло, простите, девятнадцать лет. Брасов рассмеялся: похожая девочка вызвала в нем ужас.

Спустя несколько секунд он устоял на поверхности стола, увидев на черной полировке ее же.

Почему он решил, что крапинки на кофточке квадратные? Это невозможно было заметить, когда он проезжал мимо нее. Ах да, ОНА носила подобную красную кофточку с квадратными крапинками, ассоциации сработали, не более. Брасов просто знал: крапинки квадратные и черные, на самом деле их не было, на этой кофточке не было. Девчонка пережидала, когда проедут машины, чтоб перейти дорогу...

Но она смотрела на Брасова! Она поворачивалась за его машиной, переступая в туфельках с узенькими носками, ни разу не взглянув в другую сторону. Значит, ее не интересовала проезжая часть, а только авто, в котором ехал он. То есть она поджидала Брасова, чтобы смотреть вот так? Этого не может быть, совпадение. Однако можно принять за совпадение один раз, но второй...

– Юрий Артемович, вы приболели?

Он забыл, где находится, поэтому содрогнулся, услышав заискивающий лепет секретарши. Не заметил, как та вошла.

– С чего ты взяла? – включился он в действительность.

– Вы весь мокрый. У вас температура?

Судя по ее вываливающимся из орбит глазам, обычно преданным и обожающим до тошноты, выглядит он как смертельно больной.

– Нет у меня температуры, – огрызнулся Брасов. Провел пальцами по лбу и удостоверился: мокрые. – Я бежал. Вспо-

тел. Чего панику поднимать?

– Слава богу, – счастливо выдохнула она. – Звонили из администрации, просили вас приехать на совещание, оно начнется в одиннадцать.

– Бабки вымогать будут, не поеду. Позвони и скажи, я уехал.

– Куда уехали? Они обязательно спросят...

Терпеть он не может стрижки, у Лины она особенно противная: одна черная щетина на голове. И одежду носит из гардероба монахини, ненавидит Брасов черный цвет, а также ее черные колготки, которые, говорят, сексуально смотрятся на стройных ногах. И ее стройные ноги, напоминавшие ему о собственном лишнем весе, ненавидел. Единственное, что его устраивало в этой сорокалетней худосочной мымре, – исполнительность, терпение и, как топор у палача, всегда под рукой. Он несколько раз взмахнул кистью, выгоняя ее:

– Придумай сама. Ну, давай, давай... иди.

Как только за ней бесшумно закрылась дверь, третья рюмка коньяка опрокинулась в рот, и потекла, потекла живительная сила, возрождая скорбный дух. Брасов крякнул, приложив ко рту кулак, облегченно вздохнул и вдруг недовольно поморщился: в дверном проеме снова появилась черная щетина и длинный нос.

– Извините, Юрий Артемович, я с напоминанием.

– Давай.

– Сегодня вы приглашены на банкет по случаю дня рож-

дения...

– Помню.

– Извините. – Ее лицо трансформировалось в подобострастные складки, вот прикажи он – ложись на пол и ползи, она ляжет и поползет по-пластунски. За эту падучую преданность Брасову хотелось убить Лину, а без преданности никак нельзя держать близко возле себя человека.

Брасов развалился в кресле, уставился в потолок. Конечно, девчонка всего-навсего похожа до жути, именно до жути, потому что всколыхнула в нем далеко не приятные воспоминания. Он забыл, а она всколыхнула. Ничего, пройдет, то было в юности, бес попутал.

Тори – уменьшительное от Виктории, так звучит приятней, имя ею придумано еще в школе. Ну а если вдуматься: дают ребенку нормальное имя, потом обращаются в ласкательно-уменьшительной форме, и получается Вика, Виктоша, Тоша. На слух непрезентабельно, как кличка собаки, а где же имя? Тори не переделаешь на сюсюкающий лад, не скажешь же Торичка? Абсурд. Тори звучит объемно, с шармом, кстати, была она девочкой шикавой, от слова «шик», тогда не говорили «супер». Во-первых, из хорошей семьи, в смысле – состоятельной, во-вторых, первая красавица в школе, в-третьих, училась на «отлично», правда, стараниями педагогов, в те времена тоже кидали на лапу, лапы брали и тянули на «золото» за симпатичные ушки. Потом триум-

фальное поступление в институт, учеба, в результате диплом успешно погребен под руинами семейной жизни. Впрочем, Тори считала, что жена с высшим образованием – это непременный атрибут успеха мужа, лишь бы он соответствовал жертвоприношению. Роберт соответствует частично, да где же взять идеального мужчину? Принцы с королями, как показывает жизнь, давно вымерли, а то, что наплодилось, умеет только холить свое тело да удовлетворять потребности. Редкие экземпляры способны добывать деньги. Роберт добывает, в остальном он как все.

Тори проверила загруженность стола. Официанты справились отлично. Чтоб не забыть, она заранее выдала им на чай по купюре и вышла покурить, заодно встретить гостей. Не успела сделать пару затяжек, как остановился знакомый автомобиль, из него с трудом вылез Брасов с букетом.

– Тори, ты королева! – Его первые слова после вручения букета.

Это не дешевый комплимент, Тори действительно достойна восхищения. Смуглая кожа сейчас в моде, а у Тори она отликает золотистыми оттенками – средиземноморский загар. Большой рот, выразительные глаза, волосы густые и волнистые от природы, фигура на пять с плюсом – одним словом, прекрасна.

– Только вшивый король не прибыл, – усмехнулась она беззлобно. – Думаю, принимает поздравления от любовницы. Подарить ей нечего, так себя ему дарит.

– Тори, Тори... – укоризненно покачал головой Брасов. – Ну что ты такое несешь? Роб преданный...

– Как кот, который гуляет сам по себе. Ладно, не будем о нем. Пойдем, Юрка, выпьем, пока гости не набежали. При-знаюсь, я одного тебя могу терпеть, но недолго, до твоего нытья по поводу и без.

– По-твоему, я нытик? – обиделся он. – А раз нытик, значит, зануда. Я зануда?

– Еще какой, но я люблю тебя, – улыбнулась Тори и вдруг, осмотрев его с ног до головы, отчитала друга: – Юрка, ты стал еще толще! Это никуда не годится, жаль, ты не мой муж, я бы тебя загнала в тренажерный зал и не выпускала б оттуда, пока не потерял бы пару десятков кэгэ.

– Не преувеличивай, – запыхтел Брасов, садясь за стол. – Поправился всего на два килограмма, с понедельника сяду на диету.

– Знаю, знаю твои диеты. Потом нажрешься пирожков с деликатесами, вольешь в себя литр спиртного и еще растолстеешь.

– Вот... Вот не надо, а? – забрюзжал он. – Как друг, ты обязана меня поддержать... Шампанское будешь?

– К черту, лей коньяк. – Она подняла рюмку, игриво улыбувшись. – Ну, за моего неблагодарного, чтоб ему везло в деньгах, чтоб хватало на любовниц без ущерба для семьи. Юрка... – Тори подалась к нему, заговорила шепотом и с азартом сплетницы, которую сплетня абсолютно не касает-

ся, но до чертиков занимает: – Ты видел новую клячу Роба? Ммм, у моего мужа хреновый вкус. Представь себе, она на голову его выше, плоская со всех сторон, вся состоит из острых углов. По-моему, у нее анорексия. Я рыдала, когда увидела. От жалости к Робу. Мне кажется, у них садомазо в ходу. Сам посуди, к ней притронуться страшно, вдруг рассыплется на мелкие косточки. Как же Роб не боится? Значит, ей нравится, когда ее терзают, а то, что Роб тайный садист, мне хорошо известно.

Слушал ее Брасов, держа рюмку, и фонарел от цинизма. Вздохнул с сожалением, затем выпил коньяк, заел лимоном и резюмировал:

– Язва ты, Тори. Красивая, причем коварная. Вышла б за меня замуж, когда предлагал, не страдала б сейчас.

– Да я уж сто раз пожалела, Юрка, но каждому воздается по заслугам. Видимо, Роб – мой крестик, кстати, не тяжелый. К тому же я давным-давно перестала страдать. Видишь ли, страдания портят внешность, то есть личико, на нем появляются мерзкие морщины и отпечатываются неурядицы, мне это ни к чему. Твоя-то придет?

– А то! – наливая по второй, фыркнул Брасов. – Чтоб она пропустила пьянку и возможность языком почесать – как же народ узнает, что она самая умная?

Тори расхохоталась. Им обоим не повезло со вторыми половинами, а главное, оба это понимали, но относились к невезению с юмором.

– Все мы картоферы, – сказала она, беря рюмочку. – В просторечье пьяницы, не находишь?

– Я себя пьяницей не считаю.

– Ты еще и обжора. – Тори ласково погладила его по пухлой руке. – Ладно, не дуйся и успокойся, до конченных алкоголиков нам далеко, так что можем разойтись вволю. – Чокнулись и с удовольствием выпили. – Ой, Юрка! Знаешь, кто у нас будет сегодня?

– Губернатор, – хмыкнул он, ибо преподнесла Тори неизвестного гостя как нечто недостижимое, которое спустится с необозримых высот и осветит всех своим сиянием.

– Не угадал! – прищелкнула языком она. – Вчера прилетел Глеб Леденев, изъявил желание встретиться с одноклассниками, Роб его пригласил.

– Да ну! Что понадобилось мегасветилу в захолустье? – без иронии удивился Брасов.

– Кажется, мать приболела, он хочет отвезти ее за бугор на лечение. Сколько мы не виделись? После университета заезжал пару раз, потом пропал, мы довольствовались только слухами: Глеб в науке, Глеб за границей, Глеб номинирован на какую-то премию...

Между прочим, Тори неровно дышала к Леденеву, но, как ни странно, он ее не замечал. Бывает и такое: на бесспорную красоту не кидаются, а для красоты это обидно и унижительно. Очевидно, в честь Глеба она нарядилась в пух и прах, блещет бриллиантами, чтоб он узрел, от кого отказался. Да и

скрытое волнение наверняка связано с ним, но Брасов промолчал на сей счет, лишь пробубнил под нос:

– Последний раз я встретился с Глебом случайно на улице... лет десять назад. Он прилетел на короткое время по делам, то ли наследство получать, то ли... не помню. Что-то связано с деньгами, времени у него не нашлось на старых друзей. С тех пор я ни разу его не видел.

– Хм, значит, я – много больше десяти лет. Ужас! Отсчет уже идет на десятилетия... Извини, Юрик, гости прибыли. Как бы мне пережить всю эту мутотень?

– Ты у нас все выдержишь, – ободрил ее Брасов, похлопав подружку по бедру.

Фривольность между ними позволялась, потому что души у них родственные, к тому же связывает немало – те же десятилетия, к примеру. Тори с улыбкой счастливой женщины ушла встречать гостей, а он обхватил пальцами подбородок и глубоко задумался. М-да, годы проносятся незаметно, каждый новый этап берется с боем, но вот он заканчивается, и можешь сказать: я выиграл! Следом новая ступень маячит, еще выше, еще труднее, взбираешься на нее – и так бесконечно, передохнуть некогда, куда уж заметить течение времени. Но нет-нет, а мелькнет черная тень из прошлого и сдавит горло невидимой рукой, врезаясь когтями...

2

Глеб не просто опоздал, а пришел в разгар веселья, когда гости прилично подвыпили. Сначала появился сноп белых роз, за ним гость, одетый довольно скромно, в светлый пуловер и джинсы – вовсе не для торжества. Только те, кто понимает, отметили: часы на его запястье безумной стоимости, как и дымчатые очки, обувь безупречная, а пуловер куплен не в местном бутике. Что до остальных (непонимающих), то вряд ли их обошла злорадная мысль: «светило» испытывает материальные затруднения, даже на костюмчик не наскреб.

Хозяйка застолья подскочила как ужаленная, толкнув мужа:

– Боже мой, кто пожаловал на наш скромный ужин!

Радостные возгласы, поднятые вверх руки хором приветствовали Леденева, ведь добрая треть в этом зале училась с ним в одной школе, некоторые в одном классе.

– Это тебе, – протянул Глеб розы. – Тори, ты меня убила! Изменилась до неузнаваемости.

– Страшненькая стала? – кокетливо улыбнулась она, зная, что оказаться страшненькой, даже если постарается, ей не грозит. По крайней мере, до глубокой старости, а старики все одинаковы.

– Раз в десять прекраснее, – отвесил он щедрый комплимент.

– Почему не в сто? – шутливо надула она губы.

– Отойди, – слегка взял ее за плечи Роберт. – Дай поздороваться. Рад, рад, что ты почтил нас своим присутствием.

– Зачем же так официально? – Леденев его обнял.

– А наш Роб вертится среди глав города, поэтому и дома базарит, словно на совещании, – съязвила Тори.

Ну как у нас водится? Гостя надо накормить до отвала, будто до этого он сидел на хлебе и воде, напоить до лежачего состояния, чем и занялись все, кому не лень. Про именинника забыли, разумеется, закидали Леденева вопросами: где ты, что ты, как ты? Конечно, Глебу пришлось больше работать языком, чем вилкой, не успевал он одному ответить, как его перебивали новым вопросом.

– Дайте человеку поесть! – рявкнул Брасов. Кое-кто захихикал, мол, у кого что болит, тот о том и говорит.

Но в шумной компании и за длинным столом трудно что-либо разобрать, кто-то двинул курить, кто-то танцевать, вышел покурить и Глеб.

– Не узнал? – подошла к нему Наташа со скептической ухмылкой.

Была славная девчушка, тихая, обязательная, скромная, но то, что увидел перед собой Леденев, неприятно поразило. Рановато состарилась, вероятно, скорбные морщины у губ и на лбу создают не совсем верное представление. Стояла она нетвердо, пошатывалась, сигарету подносила ко рту неуверенно.

– Узнал, – сказал Глеб. – Как живешь, Наташка?

– Спасибо, плохо. Я преподаватель, а учительствовать в наше время – дрянное дело, безобразно мало платят. Знаешь, какая самая большая проблема у таких, как я? Ходить на дни рождения к богачам. Выкроить можешь максимум пять сотен, да и то отказав себе во многом, а что на эти деньги купишь? Вот и носишься в поисках оригинального подарка, который потом выбросят за ненадобностью.

«М-да, время меняет людей, и не всегда в лучшую сторону», – с неудовольствием отметил про себя Леденев. Вслух спросил, хотя ему не хотелось продолжать диалог:

– А муж?

– Развелась. Так давно, что забыла, была ли замужем. Сожительствую с нашим Лешкой Семеренко. Иногда. Он тоже из породы неудачников, а подавал большие надежды. Все мы подавали...

– Хотелось бы с ним увидеться, ты передай...

– Да он здесь.

– Неужели? Я не заметил.

– А тебе не положено замечать, планеты ходят вокруг светила, а не светило за планетами бегают.

Ух, как выручила Тори, появившись среди курильщиков.

– Что вы так долго? Глеб, тебя заждались.

Ненавязчивая бестактность, явно оскорбившая Наташку. Что ей стоило из вежливости сказать: вас заждались? Неужели Тори не знает, что относиться нужно одинаково чутко ко всем гостям, раз приглашены? Конечно, знает, но за этой,

казалось бы, ничего не значащей фразой открылось истинное отношение к подруге детства. Это уловил Глеб, ему, но не ей, почему-то стало неловко. Что-то невнятно буркнув, Наташа зашла в ресторан, а Тори задержала Леденева. Она была не в состоянии сдержать восхищения:

– Какой ты стал... солидный – не подходит, солидные мужчины обязательно с животами и лысиной, как Юрка Брасов. Нет, ты основательный, уверенный. А черты остались острыми, как у мальчишки.

– Наташка неважно выглядит, взвинченная какая-то.

– Злая. Не обращай внимания, она не в духе. Лешка успел накачаться, не получив на это ее разрешения.

– Они живут вместе?

– Встречаются урывками. Ты женат?

– Жених. Скоро сорок лет, а все в женихах хожу.

– Ммм... так ты завидный жених. Признайся, женщины тебя атакуют со всех сторон?

– Не сказал бы.

– Скромничаешь. Да, а как мама?

– Бодрячком. Ехать лечиться отказывается, не хочет отца бросать даже на день, думает, он погибнет без нее.

– Неразумно. Что делать будешь?

– Попробую уговорить. Черт, как раз выдалось время, которое могу посвятить маме, а она ни в какую!

– Ну, идем, идем. Давай встретимся в непринужденной обстановке, а то неудобно перед людьми, позовем всех на-

ших и...

– Юность вспомним?

Тори задумалась лишь на секунду, но и этого хватило, чтоб догадаться: не горит она желанием путешествовать в прошлое, что и подтвердилось.

– Разве нам не о чем поговорить? Я настоящее люблю, а что там за спиной, то ушло безвозвратно.

– Ладно, встретимся. Неделю я еще буду здесь.

Расклеился Лешка. Он вообще последнее время странно-ватый – будто витает в им же придуманной галактике, которая не состыковывается со средой обитания. И вид у него утомленный, и глаза загнанного зверька – непонятно, что его так угнетает. Обеспокоенный Брасов подсел к нему со своей рюмкой. Реакции нет, застыл, как мамонт в вечной мерзлоте. Налив в его рюмку водки (другие напитки друг не признает), Брасов протянул ему – не видит.

– Леха, – слегка толкнул его Брасов.

– А?

Глаза пустые или, точнее будет сказать, отсутствующие. Что-то творится с Лешкой, наверное, проблемы на работе – они, проклятые, гнут людей, но делиться он не любит, все в себе держит.

– Выпьем? – второй раз протянул рюмку Брасов. – Или ты уже под завязку?

– Да нет... – нехотя взял он рюмку, посмотрел в нее. – За

что пьем?

– За Роба, сегодня его день.

Лешка одним глотком выпил водку, к закуске не притронулся. Поглядел на друга. Брасов аккуратно взял двумя пальцами кусок салями, пожевал, наконец, нашел, о чем спросить:

– Как живешь? Давненько не виделись.

– Нормально, – вяло заерзал Лешка.

Не надо быть особо наблюдательным, чтобы заметить в телодвижениях внутренний конфликт и услышать в слове «нормально» безнадежную неудовлетворенность.

– С работой нелады? – не сдавался Брасов. – Слушай, нерешаемых ситуаций не бывает. Хочешь, возьму к себе? Дело для старого друга всегда найдется.

– Спасибо, с работой у меня порядок, недавно оклад повысили. Налей-ка. – Опустошив рюмку, Лешка и на этот раз не закусил. Плохой признак. Вдруг спросил: – Помнишь фильм «Солярис»?

– Нет...

– Да помнишь, помнишь, – возразил Лешка, будто он лучше знает, что и когда смотрел Юрка. – Мы вместе с Робом у Тори смотрели по виду, он еще прикалывался. Ну, Тарковский снял, режиссер знаменитый... Там клубы океана в иллюминаторы станции долго и нудно показывали... Девку на орбиту запустил герой...

– А, помню. Я ни хрена не понял, еле высидел.

– Вот и я тогда не понял. А суть, Юрка, в том, что океан не где-то там в космосе, он здесь, он в нас, мы в него прячем себя. Что-то в этом роде говорит один из персонажей, но я дурак был, не услышал. А теперь добавлю: нам кажется, что мы себя надежно прячем, а на самом деле мы боимся океана и того, что он хранит. Но однажды – рано или поздно это случится с каждым – он забурлит и покажет нам, кто мы есть.

Плохо дело: Лешка заговаривается. Нет, правда, ему психушка светит в ближайшем времени, если не принять мер по спасению. Брасов, искренне уважая друга, не мог не протянуть руку помощи. Он обнял его за плечи, с бодренькой интонацией внушал:

– Брось самокопанием заниматься, Леха. Жизнь стоит того, чтоб не грустить, а пользоваться ее благами. Тебе пора прибегнуть к верному средству реанимации – переменам. Короче, в понедельник приезжай ко мне в офис с документами, оформим тебя управляющим одним из складов, для начала будешь получать на порядок больше.

– А смысл?

– Считаешь, в деньгах нет смысла? – рассмеялся Брасов, однако получилось невесело. – Смысл в их количестве и в том, что они нам дают. Купишь своей Наташке духи «Шанель», аось подберет. Машину, наконец, купишь...

– Ты не понял, Юрка. Смысла нет ни в чем, если эту самую жизнь начал с дерьма.

– Так, – ударил по краю стола ладонью Брасов, – возра-

жения не принимаются. В понедельник у меня поговорим о смысле, а также о жизни и ее виражах. Придешь? Я спрашиваю, придешь?

Неожиданно Лешка рассмеялся, взялся за шею Брасова – насколько позволили пальцы, притянул и прикоснулся лбом к его лбу.

– А вот возьму и приду, что будешь делать?

– Я слов на ветер не бросаю, – заверил Брасов. – Ну, чего ты муру водишь, Леха? Взрослый мужик, а распустил сопли. У тебя есть друзья, я, например, приходи ко мне, не пожалеешь.

– Точно! – Он действительно оживился, а не притворялся. – Мне не хватает перемен, а для начала, ты прав, надо поменять место работы, себя...

– Себя не надо! – поднял указательный палец Брасов. – Это опасно.

– Ладно, себя не буду. Значит, в понедельник?

– Мне свои люди нужны, а не чужаки, которые норовят облапошить. Хочется доверять, Леха, но доверие вещь коварная, обходится дорого. Да мы с тобой горы свернем, ты только присмотришься, освойся и... К нам Глеб идет. Короче, в понедельник часам к одиннадцати я весь к твоим услугам.

– Забито. Спасибо, Юрка, без тебя я бы не узнал, чего мне не хватает, теперь знаю: перемен.

Леденев поставил стул между ними, сел, положив руки обоим на плечи, улыбаясь, протяжно произнес:

– Лешка, не признал я тебя. Из-за бороды! Но тебе идет, импозантности и мужественности придает. Юрку издалека видно: это он, а не кто-то другой...

– Намекаешь, я толстый, поэтому бросаюсь в глаза? – надулся Брасов.

– Колоритный, – подправил Леденев. – Не комплексуй, хорошего человека должно быть много. Ребята, расскажите, как вы, чем занимаетесь?

– О боже, боже! – усмехнулся Лешка. – Одни и те же вопросы при встречах. У нас, Глеб, либо продают что-нибудь, либо служат тем, кто продает. Юрка вон процветает, а я так... серединка на половинку.

– Ты же киносетью заведовал.

– Пфф, хватился! Кинотеатры пустили с молотка местные власти, бабки поделили, я организовал собственное дело и успешно прогорел...

– Не по своей вине, – вставил Брасов. – Подставили его...

Не договорив, он состроил недовольную мину: к ним подплыла его жена Зинуля:

– Глеб, столько слышала о вас, мой Юрик все уши прожужжал, я мечтала познакомиться. Меня зовут Зинаида.

– Очень приятно, – привстал Леденев и поцеловал даме руку.

– Вы же физик... – Без приглашения втесавшись в мужскую компанию, она потеснила мужа, сев на его стул. – Скажите, это все враки про нанотехнологии?

Брасов, стоя за ее спиной, закатил глаза к потолку, вызвав смехок у друзей. Юркины мысли легко читались: его жена дура, однако интересующаяся новейшими технологиями!

– Отнюдь, – сказал Леденев.

– А что это такое? – с умным видом спросила она. – Сколько ни читала статей, никак понять не могу. В чем смысл этих нано?

– Зинуля, – наклонился к ней муж, – сейчас не совсем удобное время для научных дискуссий. С Глебом у нас будет отдельная встреча, он тебе все разъяснит.

Только она хотела сообщить мужу, что прерывать чужой разговор нехорошо, как ей помешала Тори с бокалом, привлекая всеобщее внимание:

– Господа, минуточку внимания! Хочу сказать тост. (Все зашикали, некоторые поспешили за стол). У всех налито? У меня тост. Роберт, тридцать восемь – это расцвет для мужчины. Есть и знания, и опыт, впереди целая жизнь и масса возможностей. Желаю тебе, чтобы эти возможности не исчерпались, а мы, твоя семья, всегда поддержим тебя, потому что любим. За тебя, дорогой!

– Друзья мои, – подскочил Роберт. – Хочу в ответ сказать, что без своей жены я был бы ничем. Тори – самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал, мудрая и добрейшая. Она украшает мою жизнь. Я пью за нее!

Роберт чмокнул жену в щечку, дружно соединились бокалы и рюмки, улыбки засияли на лицах, а Леденев произнес:

– Им можно позавидовать.

– Можно, – согласился Брасов и совсем тихо добавил: –

Но не нужно.

Празднование подходило к концу. Леденев устал от при- ставаний, его ведь тянули в разные стороны, хорошо еще, не все гости оказались знакомыми. Он первым и распрощался, его вышли проводить несколько человек, Тори напомнила:

– Ты обещал посвятить один вечер нам.

– Помню. Позвоню.

– Я предлагаю у нас встретиться, – зачастила Зина. – Мож- но и заночевать, если засидимся, у нас дом огромный...

– Наш тоже не маленький, – заметила Тори.

– А я приглашу официантов и поваров, – рисовалась Зи- нуля, мол, мы с Юриком настоящие буржуа.

К ресторану почти бесшумно подкатила крутая иномарка. За рулем сидела молодая женщина. Леденев заторопился:

– Дамы, потом решим, где и когда, а сейчас извините. На- ташка, выше нос. Пока?

Глядя вслед автомобилю, Роберт присвистнул:

– Видели, какая леди его возит?

– И какая же? – фыркнула Тори.

– Сверхсовершенство.

– Что ты там успел рассмотреть?

– Мордашку с восточной примесью и верхнюю часть.

Остальное дорисовать нетрудно.

– Ну, все, все, пошли, – загоняла приятелей Тори. – Там

еще торт и кофе с чаем. Жаль, Глеб не попробует...

М-да, уж кто вызвал зависть, так это Леденев.

3

В начале второго ночи Алексей поднялся на лифте, открыл квартиру, кинул ключи на полку. С Наташкой слегка поцапался, она рвалась к нему поехать, а он отказал наотрез, желал побыть один, по крайней мере сегодня и завтра. На прощание сказал ей:

– Не дуйся. Знаешь, нам пора определиться, не бегать друг к другу, а жить вместе. Моя квартира больше, так что за субботу соберись, в воскресенье вещи перевезем ко мне.

– Я не ослышалась? Ты серьезно?

А у самой глазенки заблестели, на щеках появился румянец, она прямо за считанные секунды расцвела и протрезвела.

– Я сказал, а ты думай. – И пошел ловить такси, оставив ее переживать свалившееся счастье.

Он выпил минеральной воды, потом из кухни двинул в комнату, на ходу расстегивая рубашку, включил свет. Засуетился в поисках сигарет и пепельницы, не помня, куда дел, а то и другое – на полке книжного шкафа. Алексей поставил пепельницу на стол, сигарету сунул в рот, достал из кармана брюк зажигалку, только хотел прикурить...

Его взгляд задержался на предмете, лежавшем посередине чистого стола. Вещица страшнее атомной бомбы, потому и приковала глаза. Ее не было, когда он уходил. Алексей не задумался, откуда она взялась, кто ее туда положил. Она, яр-

кая, лежала на темной полировке, и этого было достаточно, чтобы умереть на месте. Он чувствовал, как нестерпимо защемило сердце, словно попало в стальные тиски или в него воткнулись сотни иголок, но не умер. Шевелились волосы, по коже пробежал холодок, перехватило горло. А он стоял, не двигаясь, стоял мучительно долго, глядя на середину стола. Вещица не исчезала, хотя должна была бы раствориться, и тогда пришло бы понимание: привиделось, почудилось. Стало бы легче? Нет, теперь уже точно нет, даже если б исчезла. Но вещица здесь, и это знак – такой же реальный, как она сама...

Алексей отвел глаза в сторону, прикурил, затем снова бросил взгляд на стол. Не показалось, нет. В сущности, это уже не имеет значения. Он прошел к балкону, отодвинул шторы, распахнул дверь и вышел на воздух.

Сентябрьская ночь дохнула на него влажной прохладой, пахло угасанием. Внизу – апофеоз огней, больших и крошечных, разбросанных хаотичным узором, бессмысленным и тесным. Вверху – бездонная пропасть, нависшая над хаосом, пугающая своей вечностью. Алексей спокойно курил, глядя перед собой, одновременно видя то и другое, находясь между небом и землей. Докурил до фильтра, окурок полетел вниз...

Понедельник удобен для благих починов потому, что с него начинается новая неделя. Многие как поступают? С

первого числа я делаю то-то, или с пятого, или с десятого, а Брасов с понедельников. Он дал себе слово: не пью, не курю и не жру. С утра выпил апельсинового сока, съел салатик. В животе заурчало: хочу мяса, ветчины, котлет, на худой конец, колбасы или сосисок штук пять с макаронами, можно хлеба с маслом и сыром, но чтобы масла было толщиной с палец, а сыра – граммов двести.

– Шиш, – решительно сказал Брасов своему алчному желудку. – Зинуля, мне кофе без сахара.

Кофе без сахара потрясающая гадость, но он выпит. Это еще что! Со следующего понедельника он еще и зарядку начнет делать, обливаться холодной водой. Как раз организм отойдет от сигарет, сразу нельзя давать нагрузку на сердце. Брасов с чувством выполненного долга плюхнулся на сиденье авто, водитель крутанул руль. Дышалось легко, обновление он уже чувствовал, так ведь ни единой выкуренной сигареты! И так будет всегда.

Подъезжая к знакомому киоску, Брасов напрягся, его глаза беспокойно забегали в поисках... А девчонки нет! И не должно быть. Настроение заметно взлетело. Ах как чудно начался день!

Лина в приемной, как всегда в монашеском облачении, стучала по клавиатуре компьютера.

– Должен прийти мужчина по фамилии Семеренко, зовут Алексей, немедленно его ко мне в кабинет и не мешать. – Брасов остановился у ее стола, потянуло сказать ей что-ни-

будь приятное, да комплименты делать он не мастак. – Лина, тебе не хочется одеться во что-нибудь светленькое?

– Это мой стиль. Вам не нравится моя одежда?

Расстроилась. Дура.

– Нет, мне нравится... но... черновато как-то.

– Что бы вы хотели видеть на мне?

А ведь скажи он: хочу видеть на тебе трусы и бюстгальтер, она придет на работу именно так, с нее станется. Осторожней надо быть.

– Я вообще-то... м... просто так... Кофе принеси. Без сахара.

Без сахара – это сигнал, что у шефа очередной закидон насчет здорового образа жизни. Лина кивнула, мол, сделаю хоть кофе, хоть отвар из трав, удовлетворю все капризы, но взгляните на меня чуточку нежнее. А Брасов не ходок, потому что ленивый, ко всему прочему, абы какая баба ему не нужна. Поэтому ухаживать, тайком встречаться, лгать жене и любовнице – лучше лишний часок поспать, телик посмотреть, поесть... Нет! Слово «поесть» вычеркивается из лексикона.

Единственное, чему он отдает себя, – работа. Это и отдых, и увлечение, и развлечение, и отдушина. Приумножать деньги не каждый умеет, для этого талант необходим, а поставить дело – ум. Вот и предался Брасов любимому занятию, да не заметил, как время пролетело, очнулся, когда на сотовый позвонила... Наташка! Она никогда не звонила, даже денег ни

разу не занимала, гордячка. С голой задницей, но гордая. Его заинтриговало: чего это она удумала?

– Да, Наташа, – сказал он в трубку.

– Юра... – произнесла она и замолчала, всхлипывая.

– Я слушаю, говори.

– Юра, Лешка... Лешка...

Брасов механически поднял руку – на часах два, Лешка должен был прийти в одиннадцать.

– Что – Лешка? – теряя терпение, рывкнул он в трубку. – Да говори, черт тебя возьми!

– Лешка уме-ер, – завыла Наташка.

– Не понял... э... кто умер?

– Лешка умер. Семеренко...

– В честь чего это умер? – Нет, до него не доходила реальность внезапной смерти. – Наталья, ты не того... Как умер?

– Прыгнул с балкона.

– Что ты несешь, с какого балкона?

– Со своего. На тринадцатом этаже-е-е...

– погоди, мне нужна ясность. Ты где сейчас?

– В морге. Возле морга. У двери-и-и...

Брасову стало жарко, как в сауне, он сдвинул узел галстука вниз, рука зашарила по столу, не нашла то, что искала, автоматически выдвинула ящик стола, нащупала пачку сигарет.

– В морге, – повторил он, вслушиваясь в слово. – Никуда не уходи, я сейчас приеду. – Брасов тут же позвонил Игорю:

– Подай машину, поедем в морг.

Сигарета сама собой очутилась во рту, за ней и рюмка коньяка в руке, с их помощью Брасов пытался постичь невозможное.

Трехдневные попойки основательно подрывают здоровье. В пятницу Роберт отмечал день рождения с друзьями и нужными людьми, в субботу накрыл поляну для своих сотрудников, а родственникам, которые не любят толчеи и шума, отвел воскресенье. На даче отца отметили праздник в спокойной обстановке с шашлыками и без помпезности. Зная, что в понедельник будет отходняк, Роберт предупредил запов: если и явится на работу, то к концу рабочего дня. Пропал он почти до двенадцати, выпил водички, поплелся бродить по дому в поисках кого-нибудь, кто подаст завтрак. В гостиной застал Тори, да-да, именно застал, потому что она куда-то собиралась и наводила последние штрихи на лицо.

– Уходишь? – озадачился Роберт.

– Угу, – дала она краткий ответ, не вдаваясь в подробности.

– А кто мне завтрак подаст? Где Анька?

Анька – домработница, девушка молодая и расторопная, но непривлекательная. Тори ее выбрала с прицелом, чтоб хотя бы дома не залезли в ее постель.

– У Анны выходной. Ты не в состоянии сделать себе бутерброд и сварить кофе? Кстати, разберись, пожалуйста, с

подарками. Те, что не нужны, отложи отдельно, отдадим нуждающимся.

– Всегда ты этим занималась. Сегодня у меня...

– Знаю, рыбалка. – Подкрасив губы, Тори захлопнула пудреницу.

– Какая рыбалка? – поднял он плечи, не понимая, на что намекает жена, а она намекнула:

– На которой рыбку удят.

У жены замечательная черта: никогда она не устраивает сцен, не скандалит, не оскорбляет и не грозит, хотя умна и просчитывает мужа, как ЭВМ. Неизвестно, что лучше: скандал с битьем посуды или такие вот намеки, сказанные невинным, доброжелательным тоном, как сейчас.

– Особенно хорошо она ловится на вечерней зорьке, правда, рыбы я ни разу не видела, но не всем же везет поймать. Может, у тебя сегодня футбол, после вы будете отмечать удачу или поражение.

– К чему футбол приплела? – возмутился он, наконец сообразив, что подразумевает Тори под рыбалкой и футболом. – Я не то хотел сказать. Сегодня у меня энергетический баланс на нуле! Я не в состоянии сортировать подарки, варить кофе... у меня голова трещит.

– Треск пройдет, лишь бы голова осталась на месте.

Тори поднялась с дивана, повесила на плечо сумочку.

– Куда ты несешься вся при параде?

– На рыбалку, – улыбнулась Тори. – Или на футбол. Жен-

ский. Точно пока не решила. Приеду... не знаю когда. Ты уж тут сам хозяйничай. До свидания, дорогой.

Чмокнув обалдевшего мужа в щеку, она, играя бедрами, легкой поступью направилась в прихожую.

Конечно, Тори, намекнув Роберту, что и она не прочь сходить налево, торопилась не к любовнику, которого у нее нет. В почтовом ящике обнаружила вторичное извещение на получение то ли заказного письма, то ли бандероли – точно не поняла. Она села в машину и отправилась на почту. Ну а потом проведет время с подругами, чтоб досадить Робу, чтоб он знал: она востребована у мужчин. Иногда полезно встряхнуть идиота, не умеющего ценить добродетельную жену.

Это оказалась бандероль – маленькая, прямоугольная, на вес легонькая. Идя к выходу, Тори нетерпеливо вскрыла почтовую упаковку, кинула в урну. Еще один слой из тонкой бумаги. Полностью распаковала бандероль она уже в машине. То, что ей прислали, вызвало недоумение: в руках Тори держала старую потертую картонную коробочку с надписью «Серебристый ландыш» и грубым рисунком. Были когда-то такие духи, не духи, а кошмар – маслянистые, вонючие, стоившие дорого – шесть рублей. Открыв коробочку, Тори изумленно подняла брови: в картонном углублении лежал цилиндрический пузырек, наполовину заполненный желтоватой жидкостью.

Это что, подарок?! Ей?! Кому взбрело в голову прислать такое дерьмо? Эх, рано выбросила почтовую упаковку, не

станет же она теперь рыться в урне, доставать бумагу, чтобы посмотреть, от кого бандероль.

Тори чуть наклонила голову и брезгливо принялась. Да, это духи, те самые – «Серебристый ландыш», давным-давно снятые с производства. Ну, может, их и выпускают, Тори не ходит по дешевым магазинам, не знает, что там продается. Кстати, коробочка старая, пузырек неполный... Значит, духи кто-то хранил с давних времен? Для чего? Чтобы прислать ей в подарок? Она эти духи не выносила. Нелепость.

Стоп, а может, в коробочке лежит записка, объясняющая все это? Тори распотрошила ее, тщательно осмотрела, ничего не нашла. А если нечаянно выронила? Но и на полу авто пусто, значит, отправитель не удосужился написать пару слов. Небрежно завернув в бумагу дурацкий подарок, она кинула сверток на заднее сиденье. Не настолько Тори глупа, чтоб не понять: бандероль имеет какое-то значение, но какое?

Уткнув лицо в большую грудь Брасова, Наташа дала волю слезам. Он терпеливо выжидал, когда она наплачется, растерянно похлопывая ее по спине. Как только рыдания уменьшились, а между всхлипываниями растянулись паузы, Брасов спросил:

– Когда это случилось?

– После дня рождения Роба. Ночью. – Наташа подняла лицо, глаза ее были безумными. – Я узнала только в воскресенье, поехала к нему... соседи... Не стала вам сообщать, ду-

мала, ошибка, а сегодня... Я его видела, Юра!

– Успокойся, теперь-то ничего не изменишь...

– Не верю, что Лешка сам... Он не должен был, понимаешь?

– Понимаю. Ты постой здесь, я пойду посмотрю на него.

– Не веришь мне? Это он, наш Лешка.

– Все равно пойду, возможно, что-нибудь выясню.

Брасов позвонил, дверь открыл санитар:

– Вы за трупом?

– Пока только хочу посмотреть на Алексея Семеренко. Я его друг. Можно?

Его пустили без проблем, провели по коридорам, показали. Брасов – мужчина довольно крепкий, в смысле – нервная система завидная, а тут непрошенная слеза накатила при виде мертвого лица. Он вспомнил последний разговор с Лешкой до мелочей, планы не только на понедельник, невольно произнес:

– Неужели он сам?

– Сам, сам, – сказал второй мужчина, видимо, патологоанатом. Брасов не спросил, кто он, но почему-то так подумал.

– Вы уверены?

– Полагаете, его сбросили? – усмехнулся мужчина.

– А вы считаете, так не бывает?

– Отчего же? – пожал он плечами. – Бывает. Но когда сбрасывают, применяют силу, человек сопротивляется...

– Понятно, на теле следов насилия нет.

– Нет. И второе: человек кричит, когда падает, если его насильно сбрасывают. Кричит произвольно, это крик о помощи, хотя помочь никто не может. Ваш друг не кричал ни на балконе, то есть не звал на помощь, тем самым привлекая внимание тех, кто не спит или находится во дворе, ни когда летел. Есть свидетели. Молодые люди находились во дворе, когда он падал вниз.

– Может, его напоили снотворным, а потом...

– Не напоили. Алкоголь он перед самоубийством принимал, но по результатам экспертизы был в приемлемом состоянии, не заметить, как его выбрасывают, не мог. Больше скажу, в его квартире побывала милиция, дверь он закрыл изнутри, выламывали замок. Не волнуйтесь, законность соблюли. Соседи, они же были понятыми, показали, что жил ваш друг одиноко. Так вот, следов присутствия еще кого-нибудь не обнаружено. Вам трудно с этим смириться, но ваш друг прыгнул сам.

Сам! В голове не укладывалось!

Брасов вернулся к Наташе, посадил ее в машину, спросив:

– Куда тебя отвезти?

– Домой. С работы я отпросилась. Юра, поможешь? Лешку надо похоронить, а я никогда этим не занималась.

– Помогу.

4

Елки-палки, чтоб получить тело из морга, нужны соответствующие бумаги, своеобразная накладная на труп! Брасов справился, остальное возложил на Наташку, дав в помощь людей, а деньги у Лешки лежали в бюро. Копил на машину, накопил себе на похороны. Итак, в среду.

Вторник Брасов посвятил работе, несмотря на скверное настроение, когда заниматься ничем не хочется, но его отвлекала только работа. Три склада, магазин стройматериалов и пять салонов электро- и бытовой техники – не хило, он иногда бесцельно носился по объектам, лишь бы устать до одури.

Утро среды началось со скандала с Зинулей. Брасов, собираясь на работу, наказал жене ехать к Лешке домой и помочь Наталье с поминками.

– Я что, кухарка? – взбеленилась Зинуля. – Вы все при деньгах, не могли скинуться и снять кафе?

– Народу будет немного, мы хотим помянуть Лешку в его квартире, поняла? Не смей перечить, один раз постоишь у плиты, не сдохнешь!

– Как ты со мной...

– Молчать, я сказал! Тоже мне, барыня!

И дверью – хлоп! Он не любитель показывать характер, считая ссоры пустой тратой времени и здоровья, но в ред-

ких случаях, не встречая понимания со стороны Зины, его накрывает. В машине отдышался, Игорь посочувствовал:

– У вас будет трудный день. Мне когда подъехать?

– В половине второго, похороны в три...

Вдруг он почувствовал недостаток кислорода – она, опять она! На том же месте! Мираж... Нет, стоит у киоска на самом краю тротуара! В той же юбке и кофточке, в том же плаще нараспашку, в тех же туфельках и смотрит! На него смотрит! Черты лица... не может быть! Этому надо положить конец, эдак недолго свихнуться.

– Останови машину, – приказал он Игорю.

– Здесь нельзя останавливаться, вон знаки...

– Останови! – гаркнул Брасов.

Игорь немного заехал на тротуар, машина стала, Брасов выскочил, оглянулся. Девчонка скрылась за киоском, направившись в противоположную сторону, он ринулся за ней, одержимый одним желанием: догнать, посмотреть вблизи, услышать голос, потрогать. Народу полно, но, приподнимаясь на цыпочки, он видел длинный пушистый хвост из светлых волос, перетянутый заколкой, плащ светло-красного цвета, ремешок сумочки на плече. Он бежал, лавируя среди встречных и попутных прохожих.

Вот она близко... Вот осталось метра три... Брасов догнал, взялся за ее плечо и потянул на себя...

Девушка остановилась, повернулась к нему, глядя изумленно, а Брасов, открыв рот, не в состоянии был произнести

ни звука.

– Вы меня? – спросила девушка. – Что вам?

Кофточка, юбка, плащ, волосы, рост те же. Девчонка не та! Не та девчонка – как это может быть?!

– Из... извините, – вымолвил он через силу. – Обознался...

Пожав плечами, она продолжила путь. Глядя ей в спину, он стоял посередине тротуара, покрывшись липким потом, опустив руки вниз и ничего не понимая. У этой абсолютно другое лицо, незнакомое, с остренькими и невыразительными чертами, с веснушками на носу и щеках. Ее он никогда раньше не встречал. Но Брасов поклялся бы на чем угодно и чем угодно: только что у дороги он видел совсем другую девчонку, с лицом, которое он хорошо знает и помнит, отчего подкатывает к горлу неприятно-сладковатый комок и охватывает ужас. Ошибиться не мог, исключено, он в здравом уме. В то же время одежда на конопатой девочке тютелька в тютельку, что была на...

– Мерещится, – проговорил Брасов.

Но почему мерещится? Третий раз? На одном и том же месте? С этим «почему» он вернулся к машине, а там сотрудник ДПС.

– Вот хозяин, он приказал, а я что! – оправдывался Игорь.

– Старший лейтенант... – начал с представления гаишник,

Брасов, доставая портмоне, его перебил:

– Пятихатки хватит? (Тот ни тпру, ни ну.) Держи штуку.

Извини, старлей, мы торопимся. Игорь, за руль!

Какая уж тут работа! В кабинете он пошарил по шкафам, да все выпито. Выставив пустые бутылки на стол, Брасов позвал Лину, указал:

– Убери. – Когда она собрала в пакеты тару, он положил на стол деньги. – Сгоняй в магазин и купи водки, коньяка, виски, бренди. И сигарет... блок. Бар надо заполнить. Только быстренько, Лина.

– Хорошо, Юрий Артемович.

Пока она бегала, он курил одну сигарету за другой, обхватив голову руками, и вспоминал детали встреч с девочками, особенно с той, которую он запомнил такой, какой видел всего полчаса назад. Ведь видел ее! А догнал другую!

Управились таким образом, чтоб остаться тесной компанией, в общем, кто праздновал день рождения Роба, тот предался и скорби. Современный человек, замороченный проблемами выживания, испытывает шок, когда приятель уходит из жизни самостоятельно. Очевидно, поэтому после первой поминальной рюмки все долго молчали. Несмотря на голод, практически не ели, мучимые вопросом: что за причины в буквальном смысле толкнули Лешку с тринадцатого этажа?

– В Древнем Риме уход из жизни не считался грехом, – сказал Федя, тоже однокашник. – Напротив, это было преимущество человека перед земными тварями и слабостью остальных людей.

– А я никогда не пойму самоубийц, – категорично заявила Зина. – Ситуация кажется безвыходной, на самом деле...

– Не стоит рассуждать на эту тему, – нервно бросила Наташа, затем опустила мокрые глаза и тихо добавила: – Пожалуйста.

Еще выпили. Обычно люди вспоминают эпизоды из жизни покойного, какой он был, делятся воспоминаниями, а тут все как сговорились не раскрывать рта.

Леденев пришел с подругой, она, конечно, притягивала любопытные и придирчиво-оценивающие взгляды. Яркая выраженная восточная внешность на любителя. Однако Элла тем и привлекала внимание, что была по-киношному красива. Специфический разрез глаз не мешал. Помимо этого, на ней стояла жирная печать «девушки не отсюда». В чем выразилось «не отсюда», пожалуй, никто толком не объяснил бы. Вероятно, отличие в том, что Элла несуетлива, ненавязчива, молчалива. После длительной паузы Глеб позволил себе упрек:

– Вы жили в одном городе и, как я понял, виделись, неужели Лешка не делился с вами? Вы не заметили в нем перемен? Я полагаю, в человеке должны произойти изменения перед броском, – кивнул он на балкон. – И они, перемены, не враз случились, а наверняка задолго до этого дня.

– У нас у всех сложности... – начал оправдываться Роб, пряча глаза.

– Не наезжай на нас, – сказал Брасов. – Лично я перемены

заметил, последнее время Лешка был как не в себе, заговаривался...

– Последнее время? – перебил Леденев. – Сколько примерно это длилось?

– С месяц, – выручила Брасова Наташа. – Да, он резко изменился примерно месяц назад или чуть больше. Его что-то очень сильно беспокоило... даже угнетало. Когда я приставала к нему с расспросами, Алеша отмахивался, смеялся и говорил, что я мнительна.

– Честно, Глеб, – приложил ладонь к груди Брасов, – ничто не предвещало такого конца. Я связывал его настроение с неудачами на работе, в пятницу в ресторане предложил перейти ко мне, он согласился, обрадовался, мы договорились встретиться в понедельник... и вдруг на тебе!

– Юра прав, ничто не предвещало, – сказала Наташа. – После дня рождения Роба он предложил мне к нему переехать.

– Значит, причин как таковых не было, но Лешка... – Язык Глеба не повернулся сказать «выбросился», в доме повешенного не говорят о веревке. – Странно.

– Более чем, – утвердительно кивнул Роберт.

И снова пауза, давившая на всех, как бетонная плита, молчание прервала Элла, поднявшись:

– Извините, я выйду покурить.

– Пожалуй, я тоже, – поднялась и Тори. Лучший способ избежать скользких тем, которые мучительны своей загадоч-

НОСТЬЮ.

– Открою балкон, – подхватила Наташа. – Там шпингалет заедает, нужно знать, как его повернуть...

– Нет-нет, – замахала руками суеверная Тори. – Туда я не пойду. Мы на площадку.

А вот она подругу Глеба с пристрастием рассматривала, ее страшно интересовало: где Леденев откопал девицу корейско-монгольского происхождения? У Тори заныла старая царапина, раной она не назвала бы первое трепетное чувство к Леденеву, все-таки ее залечило время. Однако быть отвергнутой – штука неприятная даже спустя много лет, наверное, это останется с ней навсегда. Пора было и разговор завязать.

– Глеб надолго приехал?

– Завтра повезем его маму на консультацию в Москву, если диагноз не подтвердится, вернемся сюда.

– Глеб говорил, что ушел в научный бизнес, правда, я не догоняю, что это такое, а ты чем занимаешься? У тебя есть работа?

– Есть. Любить Глеба.

– О! – выразила степень своего изумления Тори. Эллочка откровенна до неприличия, а по ее мнению, любовь к мужчине нужно скрывать не только от него, от посторонних тем более, иначе уронишь достоинство. – Считаешь, любить – это работа?

– Да. Трудная.

– И давно ты... трудишься? – не удержалась Тори от скеп-

тических нот.

– Пять лет.

– Ммм! Должно быть, у тебя призвание. Вы женаты? – А ведь Леденев ясно сказал: «Подруга», но в этом вся Тори, куснуть – ее маленькое хобби.

– Глеб привез меня познакомить с родителями.

Достаточно емкий ответ: знакомят с родителями, когда принято решение узаконить отношения, однако Тори дала свою трактовку:

– Значит, нет. Не обидно? Столько лет ты с ним, а он до сих пор не женился? О статусе жены мечтает всякая любящая женщина.

– Я же сказала: любить – работа трудная.

Неразговорчивая девушка Элла, не хочет полностью открыться и удовлетворить нездоровое любопытство. Жаль, не удалось задать еще несколько провокационных вопросов: на площадку вышел Роберт, он пожирал глазами Эллу, не стесняясь жены. К счастью, Тори никогда не испытывала к нему и половины тех чувств, какие когда-то вызывал Леденев, соответственно и ревностью себя не изводила, только иногда презирала мужа, например, как сейчас.

– Девочки, все собираются на выход, – сообщил он.

– Я за сумкой, – сказала Тори, скрываясь в квартире.

Без жены он позволил себе более откровенно выразить взглядом свои ощущения, надо сказать, похотливые. Глазами Роберт раздел ее полностью и представил...

– Глебу не понравилось бы, если б он увидел, как вы на меня смотрите, – на одной ноте бесстрастно проговорила Элла.

Разумеется, Роберт знал, что хорош собой. Редкая женщина не покосится в его сторону, но у подружки Глеба в зрачках стоял смертельный холод. Правда, его это не смутило.

– А вам нравится, как я смотрю?

– Нет. И вы не нравитесь.

Она скрылась за дверью, а он покрутил в воздухе растопыренными пальцами: мол, ну и фифа, мнит себя сингапурской принцессой, да не таких обламывали. Конечно, он с большим удовольствием положил бы ее на обе лопатки, и куда делась бы ее неприступность... Жена появилась, развеяв мечты:

– Не сразил Эллочку обаянием?

– Не язви. Поехали домой, я устал.

За ними потянулись остальные, Наташа отозвала Брасова и шепотом попросила:

– Останься, мне нужно поговорить с тобой.

– Зина, подожди меня в машине, – бросил он жене. Однако Наталья не спешила сказать, зачем он ей понадобился, она стояла рядом, опустив голову, Брасов взял ее за плечи. – Наташа, что ты хотела мне сказать?

– Алешка написал завещание.

– Завещание? – выпятил он губу. А ведь это многое объясняет. – Чего это ему вздумалось?.. То есть он предвидел

свой конец?

– Думаю, чувствовал. Знаешь, кому он все оставил? Мне. А зачем? Зачем, если его здесь нет и никогда не будет? Без него мне ничего не нужно. – Опять по щекам покатались слезы. – Мы встречались урывками много лет, а мне хотелось видеть его каждый день, и вдруг Лешка говорит, чтоб я переехала к нему. Это была моя самая счастливая минута, но недолгая и обманчивая. Юра, ты понимаешь, что значит его предложение?

– Он предложил тебе стать его женой.

– Нет, не то... Юр, он не собирался умирать, он хотел начать новую жизнь вместе со мной, понимаешь?

Брасов догадался, на что она намекает: на убийство.

– Видишь ли, Наташа, эксперты утверждают, что он сам прыгнул.

– А мне кажется, Лешку убили. Здесь была женщина...

– Наталья... – протянул он, возведя очи к потолку. – Женщине не под силу сбросить мужчину с балкона, Алешку тем более, он же далеко не мелкий был.

– Вот, смотри, что я нашла на этом столе. Милиция не обратила внимания, а зря.

Она раскрыла ладонь, а у Брасова едва не выпрыгнуло сердце. Кровь резко прилила к голове, на время потемнело в глазах. Видел он только браслетик из разноцветных бусин разной величины, больше ничего. Состояние Брасова было похоже на временную смерть, продлившуюся несколько се-

кунд, темнота рассеялась, проступила рука Наташи, браслет... Брасов отдал бы многое, чтоб никогда его не видеть.

– Юра... – мямлила Наташа, кусая губы и не поднимая на него глаз. – Этот браслет... тебе никого... не напоминает?

– Нет.

– Да и мне, в общем-то, нет... Я думала, тебе...

Оба лгали. И прекрасно знали, что лгут. Оба знали, что это за браслет, но сказать вслух не решались – страшно. И взять в руки страшно, однако Брасов подцепил пальцем, перебрал бусины, внезапно, сам того не желая, попросил:

– Отдай его мне.

– Бери.

О, она просто мечтала избавиться от браслета, впрочем, он тоже. Но не выбросил, когда шел к машине, а положил в карман пиджака. Всю дорогу браслетик из бусин, не представляющий никакой ценности, жег карман, будто там лежал раскаленный металл. Брасов, попав домой, тут же снял пиджак и закинул его в шкаф.

5

Утром Роберт торопливо поедал завтрак, Тори, подперев подбородок сцепленными в замок пальцами, насмешливо наблюдала за ним. Он настолько хорошо изучил супругу, что, ни разу не оторвав глаз от тарелки, догадался:

– Ну, говори, говори свою гадость, рвется же с языка.

Тори действительно хотела съязвить насчет его вчерашних алчных взоров, но именно потому, что Роберт раскусил ее, передумала:

– Как тебе Глеб и его...

– Сингапурская принцесса?

– Почему сингапурская? Может, она наша. Из тундры, чукча.

– Это ты со зла, – сказал он, посмотрев на жену тоже насмешливо. – Познакомился Глеб с ней в Сингапуре, она там переводчицей была, и забрал оттуда.

– Странно, все эти дальневосточные народности говорят с чудовищным акцентом, а Элла по-русски шпарит чисто.

– Не люблю, когда ты пользуешься жаргоном, тебе не к лицу. У Эллы папа то ли японец, то ли китаец...

– А чем отличаются японцы от китайцев?

– Не знаю, не пробовал. Так вот, а мама русская.

– Бедные русские женщины, от наших мужичков сбегают аж в Сингапур.

– Смесь кровей дает исключительно качественные плоды, Элла это подтверждает всем своим шикарным обликом.

– Да, одета она шикарно, а что до остального... на большого любителя. Наш Глеб и здесь решил устроить показуху: у меня даже подруга особенная, не такая, как у всех, а китайско-японских кровей. Кстати, кстати... Сейчас модно заводить подругу из Малайзии, Вьетнама, Таиланда. Мальчишки вроде тебя выписывают экзотических девочек по каталогам.

– Ты загнула. Я за Глебом не замечал показухи, а выписывать проституток по каталогам он точно не будет. Не тот уровень.

– Уровень у вас, мужиков, один. Поскольку ты большой любитель экзотики, должна тебя предупредить: пролетишь. (Наконец нашла возможность сказать то, что вертелось на языке.) Эллочка на ответственной работе.

– Работает у Глеба? Мне так не показалось.

– Совершенно верно. У нее работа трудная – его любить. Сама так сказала. Теперь понимаешь, почему я упомянула каталоги?

– Ммм! – мечтательно покачал головой Роберт. – Тогда я завидую ему черной завистью. Если б у тебя была работа любить меня... А! – махнул он рукой, вздохнув. – В этом вопросе ты полная бездельница.

– Дорогой Роб, тебя сильно любить нельзя. Можно сыграть в ящик раньше времени из-за твоих рыбалок, футболов, мальчишников, задержек на работе, командировок и... упо-

ительного вранья.

– Я никогда не вру тебе, – завелся он с полуоборота.

– Конечно, милый. Врут твои дружки, работники, знакомые, но не ты. Быстрее доедай, опоздаешь.

– Я опоздать не могу, я директор у себя же.

– Точность – вежливость королей, будь королем хотя бы на работе. Погоди, принесу другой галстук.

– Чем тебе этот не нравится?

– Ты неаккуратно ешь, поставил масляное пятно.

Тори повязала ему галстук, поправила воротничок, убрала с лацкана пиджака волос. Роберт признал про себя, что лучшей жены ему не сыскать, да он и не намерен бросать семью, красавицу Тори, правда, ее тоже нельзя сильно любить – на голову сядет.

Проводив мужа, Тори собрала прессу за последние три дня. Образовалась внушительная стопка. Легла на диван, накрылась пледом. После ужасной смерти Лешки было не до чтения, но пора отогнать от себя жуткие впечатления и отдохнуть, заставить себя читать. Журналы Тори откладывала. Сначала она пересмотрит газеты...

Выпал тонкий и небольшой листок, она подняла его с пола. Опять извещение. Тори села, подумав: «Что на этот раз?» Нехорошо заныло в груди, тревожно, надрывно. Собственно, почему? Кто-то прислал ей прошлый раз дурацкий подарок, может, сегодня выяснится кто. Вскочив, Тори понеслась переодеваться.

– Поворачивай! – зарычал Брасов.

– Куда? – растерялся Игорь.

– Направо! Живо! И остановись за углом.

– И здесь запрещено...

– Тормози, я сказал! – негодовал шеф, а водитель не понимал, чего ему приспичило свернуть и остановиться. – Я выйду, а ты поезжай. Позже сообщу, куда приехать.

Игорь присвистнул – никогда не думал, что шеф умеет так бегать, просто спринтер. Что с ним происходит? Последнее время он какой-то полоумный, непредсказуемый. Игорь поехал искать парковку.

Тем временем Брасов осторожно выглянул из-за угла. Ага, она переходит дорогу! Между прочим, в неподобающем месте. Ну, теперь он будет умней, теперь станет следовать за ней тихонечко, выследит и выяснит, кто она такая. Только бы не упустить из виду.

Как одержимый Брасов переходил проезжую часть, пренебрегая опасностью. Завизжали колеса, кто-то дал по тормозам, авто остановилось в полуметре от Брасова, следом раздалось:

– Куда прешь, мурло? Охренел? Утопись, если жить надоело!

Брасов оставил оскорбления без внимания, главное – цель. Просигналили. Брасову, конечно. Объедет. А цель уже на другой стороне идет по тротуару и разговаривает по теле-

фону. По телефону! Значит, она настоящая, а не фантом. Разумеется, настоящая, прошлый раз он взял ее за плечо, оно было человеческое. Но повернулась к нему другая девушка! А до этого видел он эту, что сейчас идет вдоль улицы. Опять просигналили.

Все же Брасов перешел дорогу и попытался нагнать девочку – в том же легком плаще, в тех же туфельках, с длинным хвостом пышных волос. Нет-нет, заговаривать с ней он не будет: боится, что она снова превратится в другую, тогда он тронется умом. Брасов только посмотрит, куда она идет, потом подумает, что это за явление. А сердце как бухает... Ну, так нагрузка с непривычки бешеная для изнеженного организма, отвыкшего от беготни на своих двоих.

Расстояние между ними сократилось, Брасов теперь перебегал с одного конца тротуара на другой, сталкиваясь с прохожими, стараясь заглянуть ей в лицо. Ему надо было убедиться, что это та девочка, которую он видел десять минут назад на привычном месте у киоска, а не конопатая.

Брасов восторжествовал: она, она! Девочка свернула в переулок, здесь ему пришлось особо осторожничать, потому что народу мало, она могла, нечаянно оглянувшись, увидеть его. То, что девочка встречается не случайно, не вызывало сомнений, но чего она добивается?

Длинная дорога. Брасов задыхался, его мучила жажда, он не рисковал остановиться у торговой точки и купить воды. Не упустить ее – главная задача.

Вошла в элитный многоэтажный дом, оставив открытой дверь с кодовым замком. Он схватился за ручку, чтоб дверь не захлопнулась, не давая себе передышки, вошел. Ее, разумеется, уже не было, но какое везение – в этом доме есть консьержка, редкость в провинции! Сейчас он все узнает...

– Здравствуйте, – сказал Брасов, опершись о стойку. – Только что в ваш подъезд зашла молодая девушка, вы не скажете, в какой квартире она живет?

– Девушка? – удивилась консьержка. – Какая девушка?

– В светло-красном плаще... старом. Кто она?

– Мужчина, сюда за последний час, кроме вас, никто не входил.

– Понимаю. – Брасов достал портмоне, вытащил пятьсот рублей и положил на стол, это значительная часть ее зарплаты. – Я хочу знать, живет ли она в этом доме, зашла ли к знакомым...

– Уберите деньги, – зашипела честная консьержка. – Без них скажу: никто сюда не заходил, у меня глаза и уши есть, я б увидела и услышала. Сажу на этом месте, чтоб всех замечать.

– Ладно. – И добавил тысячную купюру. – Кто эта девушка? У нее длинные светлые волосы... пепельные... собранные в хвост на затылке...

– Вы глухой? Нет, по-моему, у вас не все дома. Повторяю: никаких плащей с длинными волосами в подъезд не заходило.

– Вы не могли ее не заметить...

– В милицию звоню, – свирепо предупредила она, схватившись за телефон. – Зальют сливу, им и мерещится всякое разное, а я должна подтверждать то, чего не было.

От полторы штуки отказываются идиоты. Или ей нечего ему рассказать, то есть она не видела девчонку. Как не видела? Она же вошла сюда! Невероятно!

– Не надо звонить в милицию, я уйду. – Брасов поплелся к выходу, но вернулся. – У меня нет плохих намерений, могу показать паспорт, мою фамилию вы встречали в газетах, я бизнесмен. Уважаемая! Мне нужно знать, кто эта девушка.

– Иди, иди. Пропись.

Брасов отошел от дома на достаточное расстояние, чтобы его ни консьержка, ни девчонка не увидели, а он видел подъезд. Позвонил.

– Игорь, ко мне. Я нахожусь...

Назвав адрес, он устало облокотился спиной о ствол дерева и не спускал глаз с подъезда дома, куда вошла девочка, боясь лишней раз моргнуть и нечаянно пропустить ее. Брасов уже не был уверен в своем здравом рассудке, потому что той девочки не должно быть. Но она есть, такая же живая, как была когда-то, из реальной плоти. Сходство потрясающее, но один раз Брасов ошибся. Или она – воплощение его воображения? Если воплощение осязимо, то на самом деле существует, по-другому не бывает. В таком случае почему консьержка не видела ее? Кто эта девчонка, что пре-

следует, появляясь на дороге, когда он едет на работу, зачем въедается в него глазами? Почему на ней та же одежда? Хаос, сплошной хаос в голове.

На коленях Тори лежала коробка из-под конфет с надписью «Ассорти». Судя по весу, конфет в ней не должно было быть, казалось, там вообще ничего нет, настолько она легкая. Но ее прислали бандеролью, значит, что-то там есть. На этот раз Тори, освободив от почтовой бумаги посылку, положила обертку на сиденье рядом, отметив, что адрес отправителя есть. Позже она внимательно его изучит. Она не решалась открыть коробку, страшась, что оттуда, как из ящика Пандоры, вывалятся несчастья, от которых потом не отбиться. Однако магия притяжения сильнее разума, подсказывающего: не глядя, выбрось в первый попавшийся мусорный бак.

Во-первых, мусорную урну благополучно миновала, во-вторых, как же не посмотреть?

Тори взялась пальцами за боковые части коробки и чуточку приподняла крышку, отделившуюся свободно. Оттуда не вылетели с шипением и свистом адские тени, не заполнили автомобиль и не стали терзать Тори, хотя удушливый комок необъяснимого страха сжимал горло.

– Да что это я? – хохотнула Тори, поднимая крышку...

И сразу накрыла коробку, чтобы не видеть содержимое, от которого стало дурно. Не напрасно екало внутри от плохих предчувствий. Ей прислали большой привет из далекого

прошлого. Тори достала сигарету, подумав, смяла ее и выкинула в окно, схватила обертку, лихорадочно расправила и вчиталась в обратный адрес. Руки начали мелко дрожать.

– Этого не может быть, – проговорила она панически. – Господи, столько лет прошло, почему сейчас? Что это?

Злая шутка, злая... Впрочем, такие вещи шутками не бывают, кто-то дает ей понять, что все знает, и духи «Серебристый ландыш», присланные раньше, теперь не являлись идиотской загадкой, а соединились с коробкой. Что за этим последует – шантаж, вымогательство, запугивание? Что? Но обратный адрес стоит на почтовой обертке, там же имя с фамилией...

Тори отложила обертку вместе с коробкой, завела мотор и сорвала авто с места. В таком состоянии находиться за рулем опасно, но она об этом не думала, вернее, думала о другой опасности – лежавшей в коробке с надписью «Ассорти». Тори механически обгоняла попутные машины, видя перед собой только цель. На ее счастье, гаишники не встретились, она не остановилась бы даже по их велению, не задумавшись о последствиях.

Свежая могила, заваленная венками и живыми цветами, успевшими за ночь завянуть, вызвала в Наталье новый приток слез. А присесть негде, вокруг пустыня с холмами или без них, неподалеку могильщики копали ямы. Наташа одна приехала на кладбище, как положено по обряду, остальным

некогда – работа, заботы, нежелание лишней раз беречь себя, а то и просто лень. Но у нее оборвалось главное: смысл, который невозможен без надежд, планов, желаний, потому, не находя себе места, не зная, как жить дальше, она оказалась здесь. Вместе с Лешкой похоронили и Наталью, во всяком случае, ее душа там, с ним лежит, а здесь только оболочка, не нужная даже ей.

– Почему ты это сделал?

Если б она настояла и после кабака поехала к нему, ничего не случилось бы. Но Наталья не осмелилась тараном вторгнуться в его пространство, деликатность не позволила, тем более что Лешка позвал ее к себе навсегда.

– Ну почему?! – взревела Наташа, схватившись за перекладину креста: устоять без опоры она не могла. Могильщики даже не взглянули в ее сторону, тут и не такое увидишь, их лопаты как врезались в плотную землю, так и продолжили без пауз. – Ты специально, да? Специально меня обнадежил и отправил домой, чтоб умереть?

Она наклонила голову к перекладине, ибо и голове в прямом смысле нужна поддержка. Рука Натальи скользнула по дереву, пальцы задели что-то. Маленький и легкий предмет упал на землю. Наталья глянула вниз – не рассмотрела, что упало в ворох цветов, наклонилась, пошарила рукой и достала...

У нее расширились глаза, потому что она подняла тот самый браслет из бусинок, который вчера отдала Брасову. Юр-

ка знает, что это за браслет, наверное, захотел от него избавиться, как избавилась она, и вернул Лешке. Но беспокойство не проходило, беспокойство трепыхалось в груди, как второе сердце. Наталья достала телефон:

– Юра, ты сегодня был у Алеши?

– На могиле? Нет.

– Значит, это не ты положил... – Она замолчала, не зная, стоит ли говорить о находке, которая его не обрадует.

– Что положил? Наташа, ты меня слышишь?

– Да так, ерунда. – Она решила пощадить его. – Извини.

Сунув в карман жакета браслет, Наталья постояла с минуту, потом побрела к остановке маршруток, бормоча вслух:

– Он не сам... Нет-нет, не сам... Я знаю... чувствую...

Навстречу шла пожилая худая женщина в черной одежде, ее седую голову покрывал легкий черный шарф, обмотанный вокруг шеи. Концы его спускались по груди до пояса. Она шла прямо на Наталью, глядя ей в лицо, как будто собиралась что-то сказать. Сейчас полно людей, испытывающих дефицит общения, стоит им только слово бросить или хотя бы приветливо посмотреть – все, будет повод вывалить на тебя свои горести. А у тебя не будет возможности сказать, мол, я тороплюсь. Не уйдешь. Наталья сегодня не способна вникать в чужую боль, ведь старуха явно потеряла кого-то из близких, судя по траурной одежде. Наташа ускорила шаг и поспешила пройти мимо, заметив краем глаза, как жутко иссечено морщинами лицо прохожей – будто мятая фольга. А

густые волосы полностью седые, белые, словно первый снег на темной земле.

6

Вот она – цель. Тори въехала в старый двор, знакомый ей каждым закоулком, окруженный трехэтажными постройками, выкрашенными в желтый цвет. Точнее, можно лишь догадываться, что когда-то цвет был желтым: штукатурка облупилась, как маникюр на неухоженных ногтях, выставив на показ грубую кирпичную кладку. Здесь ничего не изменилось, разве что двор обнищал, ну и деревья стали большими, заслонили кронами небо. Это место Тори обходила десятой дорогой, но хорошо помнила подъезд, расположенный в углу, поэтому сразу остановила на нем взгляд, будто на входе в преисподнюю. Чутье подсказывало, что ответа она не получит, но кто откажется использовать единственную возможность? Ведь другой ниточки нет.

Прихватив коробку с почтовой оберткой, она вышла из машины. Перед обшарпанной дверью с глубокими трещинами, годившейся лишь для растопки костра, застряла. Много лет не переступала она порог этого дома, не переступала б и всю оставшуюся жизнь, да кто-то толкает ее сюда, написав этот адрес и подписавшись несуществующим именем. То есть имя существовало, но давно, потом оно ушло вместе с той, кому принадлежало.

Тори набралась решимости и вошла в свое прошлое. Здесь так же темно, те же деревянные и скрипучие ступень-

ки, так же разит нищетой, только дверь квартиры не напоминает прежнюю, которая открывалась перед Тори не раз. Сейчас на пороге стояла, выглянув из-за цепочки, пожилая женщина лет шестидесяти с большим довеском.

– Вам кого?

– Здравствуйте. Я получила бандероль, письма в ней не было, видимо, забыли вложить, но адрес... адрес ваш... Вот, посмотрите, мне прислали эту коробку, и... – Тори неуклюжа, руки всего две, а у нее сумка, коробка, бумага, ключи от машины. Она расправила почтовую обертку и показала старухе, чтобы та видела адрес. – Вот, видите? Здесь улица, номер дома, квартира...

– Я не слала бандеролей.

– Не сомневаюсь. Но может быть, ее прислал кто-нибудь, кто живет с вами?

– Я живу одна.

– Э... совсем одна? Вот, посмотрите, здесь написана фамилия, вы ее должны знать.

Для многих пожилых людей очки – неотъемлемая часть лица, особенно дома они держат при себе «глаза», которые могут понадобиться в любую минуту. Женщина откуда-то выудила очки, нацепила на нос и читала, шевеля губами, потом взглянула на Тори и недоуменно сказала:

– Такая здесь не живет и никогда не жила.

В том-то и дело, что жила, но как объяснить это бабке, да и нужно ли? Логика подсказала способ продолжить разговор:

– А вы давно живете в этой квартире?

– Уж лет шесть. Сынок купил мне квартиру, раньше я в своем доме жила, но без мужика за домом следить большая морока, все развалилось. А тут тебе удобства, площадь маленькая.

– Значит, сын... Как мне его найти?

– Не найдешь, он далеко, в Магадане живет.

– Тогда скажите, пожалуйста, у кого он купил квартиру?

Двадцать лет назад здесь жили другие люди, Тори надеялась восстановить цепочку из жильцов и, может быть, что-то понять.

– Не знаю. – Заметив, как расстроилась приличная молодая женщина, бабка обнадежила: – Я по коммунальным платежкам погляжу, мне долго приходили бумажки на имя бывшего хозяина, а это ж не дело. Побегать пришлось, чтоб на меня присылали, все храню.

– Когда вы посмотрите?

– Через денек приходи, покажу. Их же отыскать надо.

– Спасибо. Только вы не забудьте...

– Не-не, не забуду. Вижу, надо тебе.

– Очень надо, очень. До свидания.

Тори поспешила в машину, ехала... на автопилоте, не задумываясь, куда и зачем.

– Наташка? – Глеб укладывал чемоданы и сумки в багажное отделение, слегка удивился ее появлению, вроде бы

не договаривались, что она придет проводить. – Что-нибудь случилось?

– Нет-нет, все нормально.

Он достал пачку сигарет, протянул ей, щелкнул зажигалкой и поднес огонек, закурил сам, заметив:

– Но у тебя глаза заплаканные.

Наталья вынула из кармана солнцезащитные очки, надела их и жалко улыбнулась:

– Так лучше?

– Что тебя привело ко мне?

– Ноги. Просто не знаю, куда себя деть.

– Пройдет. Человек свыкается с обстоятельствами, свыкнешься и ты. – Не то сказал, не так. – М-да, утешитель из меня никудышный, извини.

– Да нет, все правильно, свыкнусь, пройдет время. Понимаешь, Глеб, Лешка не сам прыгнул, я это знаю.

– Знаешь? – Уголки губ поползли вниз, он озадачился. – То есть хочешь сказать, тебе известны факты, неизвестные остальным?

– Наверное.

– Наташа, так не бывает. «Наверное» – это предположение, построение догадок, а «знаю» – это конкретность. Если ты действительно владеешь информацией, то обязана ее раскрыть.

К счастью, он не видел ее глаз, иначе прочел бы огромное желание поделиться, а также не меньшую уверенность,

что этого не нужно делать. Наталья приехала к нему, подчинившись внезапному порыву открыться Глебу, повиниться хотя бы перед ним, без этого невозможно показать браслет и сказать, чем она обеспокоена. Однако сейчас, стоя напротив него, она не открывала рот от стыда, малодушия, которое проявила давно и которое подавило ее сейчас. Можно было бы забыть, Наталья и забыла, да вдруг пришло напоминание. И с Лешкой, она полагала, произошло нечто страшное, непонятное, как-то связанное с этим браслетом, но как – неизвестно. Она надеялась, что Глеб проявит участие и поможет разобраться. Надеялась до того, как пришла сюда.

Очевидно, он почувствовал, что ее раздирают противоречия, потому задал наводящий вопрос:

– Ты боишься? Кого?

– Себя, – выкрутилась Наталья, а может, вырвалась правда.

Вовремя из подъезда появились мать Глеба и Элла, а то стоило ему чуточку надавить, понесло бы Наташку на духовный стриптиз. Зачем возвращать его в неприятные моменты перед длинной дорогой? А она-то сама чего так взволновалась? Из-за ерунды, лежащей в кармане? Какая разница, как браслет попал на перекладину креста? Глупости все это, просто совесть нечиста, и как ни заталкивай ее на дно души, она имеет подлую привычку вылезать в неподходящую минуту.

Тем временем Глеб помог матери устроиться на заднем

сиденье, Элла, поздоровавшись, села за руль. Он снова подошел к Наталье, провел ладонью по волосам, не решаясь сказать: извини, мне сейчас не до тебя.

– Недолго ты погостил у нас, – вздохнула Наталья.

– Неделю.

– А почему отец вас не провожает?

– Так он на работе. Их поколение без работы существования не мыслит. Слушай, я скоро вернусь, в любом случае маму привезу, тогда и поговорим не на бегу, а нормально, не торопясь, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Наталья.

– Да, тебе же нужны деньги, – достал он бумажник. – Я на девять дней никак не успею...

– Нет-нет. – Наталья, отказываясь, положила ладонь на бумажник. – У Алеши я нашла достаточно, на все хватит, спасибо.

– Ну, как знаешь. Возьми визитку, в случае чего – звони. До встречи?

– Угу.

Автомобиль сделал полукруг, разворачиваясь, и заскользил со двора, а Наталья присела на скамейку у подъезда, торопиться ей некуда.

А Тори, съехав с проселочной дороги в сторону, заглушила мотор, с изумлением огляделась. Вон куда ее принесло... С одной стороны дикие деревья и кустарники, с другой – то-

же, короче, лесочек. Лес – это когда бескрайнее пространство, в котором легко заблудиться и не найти дороги назад. А здесь не заблудишься, куда ни пойдешь – выйдешь то к дачному поселку, то к трассе, то к деревне, то к протоке, где есть натоптанные тропинки.

Не хотела Тори сюда попасть, а попала. Кто двигал ее руками, когда она держала руль? Явно черт. Он же ее рукой открыл дверцу, подтолкнул выйти из авто, Тори снова огляделась. Никого. Тишину нарушали нестройные голоса птиц, унылые, как похоронная музыка. Все без изменений, а не была Тори здесь давно, природа стареет медленней, чем люди.

Она пошла к оврагу, словно на некий зов, погружаясь острыми каблуками в рыхлую землю. Точного места не знала, но шла в полной уверенности, что найдет. Поверху вдоль оврага заросли плотные, Тори ступала осторожно, чтоб ненароком не свернуть шею, из предосторожности держалась за стволы. Спустившись по склону и увидев протоку, Тори опустилась прямо на выжженную траву, закурила.

Гладь воды зеркальная, сюда даже ветер редко забегает, а иногда над поверхностью выпрыгивала рыбешка, затем от нее шли идеально ровные круги. Нехорошо на душе, тускло.

– Господи, зачем я здесь?

Тори отбросила сигарету, кинув последний взгляд на расплывчатую, вдававшуюся в берег кромку воды, и вдруг заметила белое пятно на дне оврага и близко к воде. Она вскопчила, не понимая, что это такое, диссонирующее с остальными

ми красками. Оттого, желая рассмотреть ближе, спустилась вниз.

Это был букет белых гвоздик. Цветы живые, их положили недавно... Положил тот, кто прислал бандероли. Тори кинулась назад, взбиралась по склону, скользя и падая, вымазалась в грязи. Потом она бежала, проваливаясь в ямки, удивительно, как не переломала ноги.

Обессиленно рухнула на водительское сиденье, замерла. И что теперь? Только ждать. А пока – домой, там спокойно продумать варианты защиты. Да, в этих подарках кроется нечто зловещее, похожее на предупреждение, но то, что бандероли не чья-то гнусная шутка, Тори уверена.

Наступила ночь. Игорь дремал в салоне машины без света, слушая под тихие звуки музыки, как шеф лает с женой по телефону:

– Я сказал, задерживаюсь! Что еще не ясно?

– Что за работа в десять часов ночи? – тявкала озлобленная Зинуля. – Юрка, не лги! Где околачиваешься, с кем? Пример берешь с дружка своего?

– Какого дружка?

– Как будто не знаешь, какого! Роба! Он любит «задерживаться» у любовниц, ты туда же? Со своим давлением и тахикардией? Не помрешь на бабе?

Водитель ухмыльнулся. Глупая женщина. Зря наезжает на шефа, уж Игорю доподлинно известно, что баб у Юрия Ар-

темовича не водится.

– Дура! – И Брасов выключил телефон, чтоб не звонила.

Вообще-то он мирный, ругаться не любит, не любит дискомфорта ни в каком виде. Брасов взял из пакета бутерброды, за которыми бегал Игорь – сам-то не мог оставить пост наблюдения, – и ел, запивая водой. А девчонка не выходила! Живет в том доме, что ли? Тогда с консержкой у нее стговор. Но отказаться от денег – неслыханное дело, нет, на такой подвиг не способна ни одна пенсионерка, подрабатывающая дежурством в подъездах состоятельных людей. Стоп! Дом элитный, девочка одета плохо, старомодно...

– Игорь, – осенило Брасова. – Сгоняй вокруг дома, посмотри, есть ли там запасной выход.

Парень нехотя отправился. Шеф доел бутерброды, смял бумагу и выкинул в окно – наверняка здесь метут по утрам дворники, уберут. М-да, одетая бедненько девочка не может проживать в элитном доме, исключено, нереально, как банкир в трамвае.

– Запасных выходов нет, – сообщил Игорь, падая на сиденье. – Юрий Артемович, мы долго здесь будем стоять?

– Всю ночь. Так, не возражай, каждый твой час оплачу в двойном размере. Спим по очереди и по два часа. Если увидишь, что из того дома выходит женщина, сразу буди меня. Спи первый.

Вопросов у водителя вертелось на языке достаточное количество, чтобы разозлить шефа до белого каления, но

Игорь знал свое место, потому ограничился протяжным вздохом и поудобней устроился, чтоб вздремнуть.

Брасов сверлил глазами темноту, точнее, подъезд, спрятавшийся в полумраке, но и другие подъезды, если оттуда выходили люди, мигом брал во внимание. Она там и когда-то выйдет, а он ее...

Завершающий поцелуй, длившийся нескончаемо долго, Роберт прервал, потому что настала пора посмотреть на часы. Эту деталь, часы, он не снимал никогда. У женщин есть побрякушки – сережки, колечки, цепочки, у мужчины – безжалостное и неуловимое время, подчиняющее своим жестким правилам. Время, которое должно быть всегда с ним, ибо это контроль, о нем нельзя забывать. Еще лобызая Нелли, он протянул руку к выключателю бра, включил свет и поднес запястье к глазам.

– Одиннадцать, ё!.. – подлетел с постели Роберт, забыв, что секунду назад находился во власти упоительной неги.

Он лихорадочно натягивал одежду, но поспешность обычно ведет к рассеянности: не находятся то носки, то трусы, а потом оказывается, они рядом. Нелли повернулась набок, подперла рукой голову и с тоской, означавшей, что она удручена, произнесла:

– Опять несешься? Тебе плохо со мной?

– Хорошо, – застегивая «молнию» на брюках, бросил он. – С тобой замечательно, но пора домой. Я и так задержался

сверх нормы.

Нелли упала спиной на подушки, окончательно расстроившись, и пробубнила на одной ноте:

– Норма... домой... Со мной ты всегда в рамках нормы, по регламенту, в строго отведенное время. Стремись домой, как будто нельзя подольше остаться, все равно же будешь ей врать.

– К тебе я стремлюсь больше, – и закрутился на одном месте, как юла. – Где мой галстук?

Она закинула руку назад, сняла галстук со спинки кровати, протянула:

– Вот он. Наступит когда-нибудь такой день, когда тебе не надо будет бежать домой?

– Наступит. Скоро я поеду в командировку, то есть Тори скажу, что еду в командировку, а мы с тобой махнем дня на три в дом отдыха.

– А мне хочется, чтоб «командировка» продлилась годы.

Затянув узел галстука, поправив воротничок, Роберт присел на кровать, обнял Нелли, вздохнув:

– Я бы с радостью стал мусульманином, у них там многоженство разрешено, и взял бы тебя второй женой, но моя первая не согласится.

– А я тоже хочу быть первой. И единственной.

– Лапуль, ты же знаешь, что это невозможно.

– Почему?

– Не могу я бросить Тори и детей.

– И на том спасибо, что хотя бы честно признаешься, а не кормишь пустыми обещаниями. Ладно, иди домой.

Но как уйти без прощального поцелуя – жаркого, страстного, достающего до самого дна? А как трудно оторваться от губ и тела Нелли, от навязчивого желания раздеться и залечь с ней на всю ночь, снова получить кайф, который не получает ни один наркоман, – заоблачный. Однако часы не имеют совести, тикают, сволочи!

– Не скучай без меня, – сказал он нежно.

– Буду. Ну, иди, иди.

Роберт спускался по лестнице не в безумной спешке – ноги не шли. Спускался и размышлял над своим тяжелым бытием. Чего ему не хватает? Огненного жара, чтоб мозги отключались. Тори во всех смыслах образцовая жена, но в постели холодная и вялая, как медуза. Тем не менее без нее Роберт не может обходиться. Тори неоценимый советчик, ее ум всегда найдет выход из тупикового положения и подскажет, каким образом разыграть шахматную партию, выгодную для него. Фактически она сделала его успешным, да что там – продолжает делать, без нее он закиснет, не будет могучей, непотопляемой личностью, только для мужчины этого маловато, не хватает чуть-чуть. Нелли не построит интригу, в результате которой он получит дивиденды, не обрабатывает того-другого нужного человека, заставив его лить воду на мельницу Роберта, но она умеет принадлежать. Когда он с ней, возникает ощущение, будто оба улетают к звездам в

безвоздушное пространство. Роберт менял женщин, долго его связи не длились, а с Нелли он уже год, лучшей у него не было, да и не нужна ему другая, что подтверждается теми самыми недолгими связями, после которых он спешит к любимым женщинам. Ну, увлекающийся он – что тут поделать? А любит Нелли и жену, обе нужны ему, обе дороги – как быть? Однако Нелька не хочет с ним расставаться, всеми силами задерживает его у себя и заговаривает о статусе жены. Пора срочно везти ее на отдых, там снова обработать. После поездок, по крайней мере пару месяцев, она не ноет.

Сев в автомобиль, Роберт закурил, чтоб забить аромат духов подружки, и, набирая номер на мобиле, в сердцах выговорил:

– Господи, почему я не родился мусульманином? Алло, Вадик? Это я, Роб. Слушай, прикрой меня, если вдруг чего... Мы сегодня пульку расписывали, ага?.. Э, разбежались в начале двенадцатого... Спасибо, я знаю, на тебя можно положиться. – И завел мотор.

Она поставила лампу на край тумбочки, чтоб локальный свет точно падал на коробку, и весь вечер перебирала «хозяйство», полулежа на кровати, подложив под спину подушки. Тори казалось, что надпись «Ассорти» тоже несет скрытый смысл, но, блуждая в предположениях, так и не определилась ни с одной версией, установила крышку вертикально, время от времени фокусировала на ней взгляд.

А в коробке лежали нарисованные куколки наподобие Барби: с талиями и женской грудью, в отдельных купальниках, аккуратно вырезанные и наклеенные на тонкий картон для прочности, затем снова вырезанные ножницами. Всего пять. Эту блондинку рисовала сама Тори, правда, у нее неважно получилось, смешно: лицо кривое, один глаз ниже, второй выше, да и фигура не удалась. Остальные четыре нарисовала Женька, она была мастер, мечтала податься в модельеры и уделяла творчеству все свободное время. К каждой куклке прилагались комплекты одежды, выполненные в определенной цветовой гамме. Для брюнетки – одни цвета и стиль, для рыжеволосой другие и так далее. Все вырезалось, надевалось при помощи бумажных зажимов, создавались коллекции по временам года, устраивались дефиле.

Девочки учились в десятом классе и были достаточно взрослыми, чтобы иметь интересы, соответствующие возрасту.

ту, они, как говорится, созрели для отношений с мальчиками, а игрались в кутюрье. Но это сейчас школьницы покупают в аптеке противозачаточные средства и тесты на беременность, в те далекие годы сексуальная революция делала только первые шаги, стало быть, целомудрие считалось неотъемлемым качеством всякой порядочной девушки. Впрочем, с мальчиками обе дружили, но именно дружили, ну, неумело целовались, не более.

Родители Женьки не имели возможности одевать ее с толкучки в импортные шмотки, стоившие баснословные деньги, она многое умела сделать своими руками. Шила, вязала, вышивала, переделывала старую одежду, которую ей отдавали для экспериментов, в неузнаваемую и эксклюзивную, конечно, для того времени. Например, мама Тори отдала Женьке кучу шерстяных свитеров, вполне сносных, та их распустила, скомпоновала пряжу и связала пальто, с изнанки и без подкладки смотреть страшно – одни узелки, зато лицевая сторона – оригинально. Да, Женька одевалась не хуже модниц, ее вкусу можно было позавидовать, от нее Тори много почерпнула, поэтому и дружила с ней. Хотя не только поэтому. Женька была другая – увлеченная, одухотворенная, мечтательная, хотелось ее понять...

– Ты не спишь?

Тори подняла голову. А, это муж. Снял пиджак, расстегивал рубашку.

– А который час? – поинтересовалась она, беспорядочно

забрасывая вырезки в коробку.

– Двенадцать. Без пяти. С Вадиком пульку расписывали, увлеклись... накурились... Устал чертовски.

– Никто не сомневается.

– В чем? – насторожился Роберт, приготовившись к защите, следовательно, нападению.

– В твоей усталости.

А придаться не к чему, Тори говорила вяло и безотнositельно, будто ее мысли заняты не мужем, а чем-то посторонним. Да и лицо у нее какое-то странное.

– Ты не заболела? – осведомился он.

Вот тут Тори среагировала, как на красный сигнал светофора, округлив глаза: Роб не имеет привычки заботиться о других, будь то родственники, друзья, дети. Нет, он не отрицательный типаж, в нем много положительных качеств, например, не тиран, не скряга, просто воспитание получил одностороннее, привык к обожанию. А привычки вредны, во-первых, не всем они нравятся, во-вторых, отвыкать тяжело. Тори играла в игру: тебе хочется обожания – получай, попытки Роберта обнаглеть она умела пресечь, в общем, тоже создала в семье свое неприкосновенное пространство. Но последнее время ей поднадоело играть, то ли устала, то ли обленилась, то ли окончательно разлюбила. Короче, кризис.

– Абсолютно здорова, – сказала она.

Тори поднялась, сорвала с кровати покрывало, бросила его в кресло, а она аккуратная, скомкать и кинуть вещь не

в ее характере. Жена переделалась в ночную сорочку, молча улеглась. Без сомнения, с ней что-то не так.

– Ты расстроена, – озаботился Роберт. – Если из-за меня, то извини, я же азартный игрок, не заметил, как время...

– Я знаю. Ложись спать. Или будешь ужинать?

– Нет, я не голоден. – Роберт набросил халат и вспомнил, что надо бы смыть с себя грех. – Душ приму...

Тори повернулась набок, подложила под щеку сложенные ладони, зажмурилась, но вырезанные из бумаги платья, костюмы, юбочки и блузки замелькали перед глазами, как в калейдоскопе. В ушах звучал комментарий Женьки:

– Весенняя коллекция выполнена в пастельных тонах, доминантный цвет – стальной и все оттенки розового.

– Серый и розовый? – рассмеялась Тори. – По-моему, жуткое сочетание.

– Стальной – не серый, – поправила Женька. – Это благородный цвет, спокойный и светлый, не люблю мрачность, к тому же он будет гармонировать с пасмурной погодой, весной часты дожди. А развеселит его розовая деталь, хочется яркости и нестандартности.

– Чересчур необычно, я в такие цвета не оденусь...

Тори встала, накапала валерьянки, выпила и снова улеглась, приняв ту же позу и надеясь, что в скором времени забудется крепким сном без сновидений. Войдя в спальню, Ро-

берт учуял запах валерьянки, которую нередко подавала ему жена, сама она как будто не пила микстуры, у нее стальная нервная система в отличие от него. Но это же ему приходится изворачиваться и дома, и на работе, и вообще – какие тут будут нервы? Истонченные. Роберт просчитал ее состояние однозначно: довел. Придется доказывать верность на деле, а ведь без дураков устал, не рассчитывал на двойную порцию постельной работы. Он забрался под одеяло, прижался к спинке родной жены, тронув ее за плечо. Тори не повернулась к нему лицом, тогда Роберт потерся носом о затылок жены, нежно бормоча:

– Ну, прости, прости. Не подумал, что из-за моих азартных игр ты станешь пить валерьянку. Я же с Вадиком и его друзьями... в тесной мужской компании...

Уж чего ей сейчас не надо, так это секса, к тому же Роб наверняка врет, заранее обеспечив себе алиби. Тори похлопала его по руке, сжимающей с намеком ее плечико, сказав:

– Угомонись, я часто пью валерьянку, чтоб заснуть быстрее или от головной боли, мне помогает. Сегодня то и другое вместе. Спи.

А ему только того и надо, завтра он выжмет из себя максимум, но не в данную минуту, ибо уже выжат. Роберт чмокнул жену в плечико, перевернулся на спину, слегка пожурился ей:

– Ты излишне эмоциональна, нельзя так затрачиваться.

– О чем ты?

– Это смерть Лешки на тебя подействовала. (Утром он не

сказал бы, что она затратила эмоции, Тори была обычной, но Роберт всегда ищет причины плохого настроения жены не в себе, а вокруг.) Видишь ли, он сделал выбор, значит, ему он показался оптимальным, а нам остается только принять.

– Цинично. Но ты прав, нам не остается ничего другого. Спи.

– Спокойной ночи.

Несмотря на валерьянку, Тори заснула не скоро. Ее терзал вопрос: «Что за знаки я получила? Почему мне их прислали? Почему не Робу? Он бы мне сказал, значит, не получал, а, по идее, должны ему...»

Сначала неудавшаяся попытка вытянуть ноги отозвалась покалыванием и подергиванием в мышцах, потом в сознание врезался храп, Игорь приподнял веки. Мать честная, он же в автомобиле с шефом, да еще вздумал заснуть, когда должен бодрствовать! Игорь резко сел, но чуть не застонал от боли – тело жутко занемело. Переждав, он приоткрыл дверцу, шагнул на землю, захватив бутылку минеральной воды.

Утро далеко не раннее и прохладное, на траве еще поблескивала роса, хотя солнце поднялось высоко. Игорь умылся около авто, встряхнулся, посмотрел на часы и залез назад уже бодреньким, чувствуя зверский голод. Достав с заднего сиденья пакет с едой, он принялся жадно поесть остатки ужина.

Шеф спал, свесив голову набок, его губы смешно вибри-

ровали от выдыхаемого воздуха, руки беспомощно повисли вдоль тела. Недруги Брасова многое дали бы, чтоб сейчас очутиться на месте водителя и придушить шефа – ни тебе свидетелей, ни тебе сопротивления, бери голыми руками. Случалось, и у Игоря появлялось жгучее желание выпрыгнуть из автомобиля на полном ходу, предоставив Юрия Артемовича изменчивой злодейке-судьбе. Но мечтать не вредно, а работу с приличным заработком найти нелегко, посему остается терпеть перепады настроения Брасова. О, шеф пошевелился, открыл глаза.

– Что, уже рассвело? – меняя положение, спросил Брасов. – Нет, день наступил. Почему не разбудил?

– Да вы так сладко спали, пожалел. – Разумеется, о том, что сам проспал все на свете, Игорь ни слова не скажет. – Не переживайте, из дома выходили одни мужчины. А вон как раз женщина идет.

– Где? – подался шеф к лобовому стеклу, но сразу же упал спиной на сиденье. – Не та. Который час?

– Девятый. Вы бы хоть сказали, как выглядит дама, которую мы поджидаем...

– Нормально выглядит, как все.

Стало быть, у шефа все женщины на одно лицо. Интересно, что это за лицо, случайно не жены ли? Так вечером она скандалила по телефону, значит, Брасов караулит со вчерашнего утра не Зинулю. Игорь пребывал в полнейшем недоумении. Была бы у шефа зазноба, кто, как не водитель, знал бы

об этом? Но порочных связей за ним не числится, с другой стороны, Брасов не дурак, чтобы выставлять свои похождения, с третьей – Игоря частная жизнь шефа не должна касаться, на этом можно поставить точку.

В то же время Брасов рассуждал про себя, что для молоденькой девчонки нетипично сидеть взаперти целый день, весь вечер и все утро. Разве она не учится в школе, к примеру, или колледже, или институте? Если же нигде не учится, то работает, значит, обязательно выйдет.

Просидели в машине еще полтора часа, Брасову позвонила Лина:

– Юрий Артемович, вы здоровы?

– Я здоров, а что?

– Но вас второй день нет. У меня в приемной заведующие сидят, на сегодня вы назначили совещание, что мне им сказать?

К сожалению, совещание нельзя отменить.

– Сейчас буду. – Брасов положил трубку в карман, взглянул на дом последний раз и досадливо отдал команду Игорю: – Поехали.

Проезжая мимо киоска, он все глаза проглядел, но девчонка в красном плаще не стояла на прежнем месте, а чутье, от которого никуда не деться, подсказывало, что он увидит ее.

Тори влетела в комнату подруги с диким воплем:

– Женька, мама тебе туфли передала, примерь.

– Фу, как ты меня напугала. Какие туфли?

Тори отодвинула на столе учебники, за которыми Женька корпела, готовясь к экзаменам, водрузила коробку и открыла:

– Смотри. Чудо, правда?

– Ах... – приподнялась Женька со стула, взявшись за грудь.

Туфельки – действительно недосыгаемая мечта: классическая модель, с узеньким носком и на шпильке, ярко-красного цвета, в таких, конечно, каждый день не походишь – жалко. Тори достала чудо-туфельки, сунула в руки Женьке:

– Примерь.

Та надела, прошлась, любуясь своими ногами и придерживая фонтан пепельных волос, вдруг подняла глаза на подружку:

– Они же дорогие.

– Конечно. Италия.

– Думаю, родители денег не дадут...

– Какие деньги? Мама купила мне без примерки, а они зверски жмут. У тебя нога меньше, значит, туфли твои. Считай, это тебе подарок к окончанию школы. – Тори упала на кровать. – Уф, не дождусь, когда мы ее закончим. Ненавижу школу, нашу вонючую столовую, уроки, шум на переменах и слово «нельзя». Ты на выпускной платье сшила?

– Нет еще. – Женька налюбоваться не могла на туфли. – Теперь придется придумать другой наряд, я пойду в них.

– В красных? – приподнялась Тори. – Нехорошо. Все будут во всем белом, как невесты, а ты в красных туфлях? Мне дядя везет из-за границы ажурное, длинное, белое...

– Платье невесты непрактично, куда ты потом в нем пойдешь?

– Не думала об этом. Хм, найду куда сходить, например, под венец. Шучу. Я покурю? – спросила Тори разрешения.

– С ума сошла? Мама унюхает – мне достанется, – не разрешила та.

– А я в форточку.

Из потайного места сумочки Тори достала сигарету и зажигалку, запрыгнула на подоконник, в этом доме оконные проемы огромные, форточка как раз на уровне лица...

– Где ты все время витаешь, о чем думаешь?

Очнувшись, Тори увидела, что положила на тарелку мужа с рыбой и рисом... кусок яблочного пирога, тем не менее она осталась верна себе, ничуть не смутившись:

– Ты запрещаешь мне витать и думать?

– Думай сколько угодно, но у меня раздельное питание: рыба отдельно, а пирог – к чаю.

– Извини. – Тори взяла пирог и отправила в мусорное ведро.

– Но теперь рыба пропахла ванилью, – возмущенно сказал он. – Крошки. И на гарнире.

– Нет проблем.

Рыба с гарниром последовали за куском пирога, а Тори вновь уселась за стол, как показалось Роберту, отсутствуя, хотя преданно смотрела на него, подперев подбородок кулаком. Все, что так или иначе мешает его стабильности, вызывает у него раздражение, он быстро забывает, что сам напакостил, и если к нему предъявить претензии, то их число составит миллион. Глядя перед собой на пустое место, где должна стоять тарелка, Роберт нахмурил брови, а это второй маленький признак большого недовольства, и произнес:

– Вообще-то, я еще не позавтракал.

– Нет проблем.

Она взяла чистую тарелку, механически положила кусок жареной рыбы и риса, не забыла полить соусом, поставила перед мужем. Роберт начал есть, озадаченно поглядывая на жену, которая снова как будто была здесь и в то же время далеко отсюда.

– Почему ты не ешь? – спросил он.

– Не хочется.

Внутри Тори что-то слегка подломилось, непривычное ощущение тревоги вытеснило остальные чувства, привнеся взамен синдром ожидания. Так она определила свое состояние: синдром ожидания. В результате появилась несвойственная ей рассеянность. Главное, не знала, чего ждать и откуда, следовательно, не могла выстроить линию защиты, хотя от кого и почему она должна защищаться?

– Нет, с тобой что-то не так, – вывел он.

– Не с той ноги встала.

– Это поправимо. Пойди приляг и встань с нужной. – Он изволил пошутить. – Мне пора. Сегодня я...

– Задержишься на работе.

– Приду раньше, – надулся Роберт. – Перестань меня подначивать.

Иногда его очень задевало ее неадекватное отношение к его похождениям. Лучше б она поскандалила, по крайней мере, тогда стала бы понятней. Друзья уверяли, ему повезло с ней, да Роберт и сам так считал, но разве это нормально, чтоб жена сквозь пальцы смотрела на «задержки» и отлучки мужа? Подобные мысли – яд, а он не склонен отравляться, посему быстро находил удобный вывод: мол, Тори не хочет расшатать их крепкий брак. А что – крепкий, замешан на любви и товариществе, поэтому Роберт, сколько б ни было у него связей на стороне, ни за что не расстанется с Тори.

– Ты забыла меня поцеловать, – напомнил он.

– Наклонись.

Пришлось наклониться, хотя ритуал провожания установила она и сама же неукоснительно его исполняла, доведя до автоматизма. Но сегодня Тори принудительно чмокнула Роберта в щеку, значит, точно встала не с той ноги, что со всяким случается. Но это скоро пройдет, тогда он и сообщит ей о надвигающейся «командировке».

Тори ждала почту, с опаской и вниманием просмотрела ее, но ни извещения, ни письма, вопреки ожиданиям, не по-

лучила. Она готова была к выходу, бросив газеты на стол, села в машину и поехала к бабуле, обещавшей найти платежки.

8

У Брасовых уклад заведен с точностью до наоборот. Уваленъ Юра отличался миролюбивым характером, но исключительно потому, что ленив. Зинулю не переспоришь, не вдобышь, что ночь он провел в машине с водителем, потом поехал на работу, а тратить нервные клетки – себе дороже. Второй день жена не разговаривала с ним, ее малопривлекательные губы превратились в тоненькую ниточку – до такой степени она их сжимала, видя Юрика. Но скоро ее терпение лопнет, стены сотрясет сумасшедший ор, нашпигованный упреками и обвинениями. Зато на людях она слаще папки.

Угораздило же его жениться на середнячке. Зинуля не блистала красотой и в юности, с возрастом, который не так уж велик, стала безусловной посредственностью, не располагающей к нежностям, – это мягко говоря. Усыхала. Должно быть, от злобы и зависти. Теперь он на собственном опыте знает, как ошибаются мужики, беря в жены серенькую мышку! Думают, она будет хорошей матерью и хозяйкой, верной супругой без особых запросов, станет стоять у плиты, готовясь встретить трудягу мужа, и с благодарностью взирать на него, как на домашнее божество. Но кто мог предвидеть, что из славненькой девчушки выродится министр землетрясений? Кто мог знать, что непривлекательность некоторые

компенсируют умствованием, сомнительным всезнайством, амбициозностью и тривиальным хвастовством, а слово «мало» станет ее генеральной линией? Мало денег, мало места в доме, мало почета, мало шуб, мало... мало... мало... Короче, из «мало» сделать «много» обязан Брасов, но потребности-то женушки неиссякаемы.

Вот такие невеселые мысли навеяла злющая рожица жены за завтраком в пятницу, а еще он, грешным делом, подумал: как Зинуля не подавится куском, заработанным им? Не завести ли любовницу? Кстати, идея неплохая – с любовницей, по крайней мере, он всласть отыгрался бы, если б имел кого на примете. Но кандидатур нет, хочется, чтоб хотя бы чуточку нравилась.

Посмотрев на часы – это должно быть сигналом для Зинули, мол, ухожу, можешь начинать землетрясение (как правило, она портит ему настроение перед работой), Брасов встал из-за стола. Землетрясения не случилось, ну и прекрасно.

Он и не подумал изменить маршрут, может быть, его подсознание жаждало встречи с девчонкой, чтобы распознать: кто она на самом деле. Второй день ее не было у киоска, и это не принесло облегчения.

Вечером, набрав продуктов в супермаркете – на носу девять дней, помочь некому, а в руках много не унесешь, приходится по частям закупать, – и расплачиваясь в кассе, Наталья опять увидела ее. Не заметить старуху в траурном оде-

янии невозможно, она выделялась именно черным цветом, как бельмо на глазу. Сначала на кладбище чуть не налетела на нее, вчера старуха фланировала у школы, сегодня в магазине объявилась, стояла у стены за кассами, наверное, ждала кого-то. Видимо, она тоже узнала Наталью, так как уставилась на нее. Нет, это, скорее всего, случайность, потому что, когда Наталья, механически забрасывая в пакеты продукты, не спускала с нее глаз, она никак не показала, что видит ее, смотрела, как смотрят в пустоту, а не на живого человека.

Она прошла мимо, старуха проводила ее равнодушным взглядом. Кажется, бабка только сейчас вспоминала, где видела женщину в терракотовом жакете. Горе сближает, очевидно, поэтому Наталья слегка улыбнулась ей, но в ответ – ни намека, что старуха заметила маленький знак внимания.

В троллейбусе она забыла о ней, просмотрела список, вычеркивая то, что куплено. Как быть со спиртным и минеральной водой? На плечах не притащишь, только за несколько ходок, надо бы попросить тех, у кого есть машина. Позвонила Брасову:

– Юр, ты не сможешь закупить спиртное и воду на поминки? Не хочу брать в магазинах около Лешкиного дома, в мелких точках одну отраву толкают, надо в солидном месте покупать.

– Помогу, хотя сейчас отравы и в солидных магазинах полно. Тебе когда?

– Когда будешь свободен.

– Ну, сам я не стану таскать бутылки, водителя пришло.
Назначай день и время.

– Завтра вечером. У меня вторая смена, уроки закончатся в пять.

– Завтра в пять Игорь будет у школы.

– Спасибо, Юра, к тебе одному можно смело обращаться и не получить отказа. Ты-то придешь в воскресенье?

– А как же.

– Своей Зине скажи...

– Сама ей позвони.

– Хорошо, позвоню.

Наталья догадалась: у Брасова со стервой Зинулей очередная размолвка. А она теперь с Лешкой не поссорится и не помирится, не заснет у него на плече, прижавшись крепко-крепко, не будет тешить себя надеждами, что он в конце концов созреет и предложит жить вместе. Так ведь предложил! Никогда Наталья не была так близка к цели, но потеряла ее безвозвратно. Она могла бы еще родить, а что – вполне, некоторые за сорок рожают и не боятся. Но теперь на себе можно поставить большущий жирный крест, в этом возрасте и с ее принципами с мужчинами легко не сходятся, к тому же, надо отдать должное, она далеко не мечта поэта, заурядная со всех сторон. Вот так в тридцать семь все закончилось. От пессимистичных мыслей навернулись слезы.

В Лешкиной квартире Наталья переложила скоропортящиеся продукты в холодильник, остальное на полки. Поси-

дела на кухне и выкурила сигаретку. В прихожей постояла, но так и не зашла в комнаты, хотя нужно было взять деньги. Там все напоминает о Лешке. Вряд ли когда-нибудь она сможет находиться здесь одна, для нее балконная дверь всегда будет западней, куда угодил Лешка. Наталья ушла.

Изучила ведь Роба от и до. Тори до смешного знакомы бегущие глазки, суетливость, ложная рассеянность, за всеми этими признаками стоит банальная ложь. Но что-то сдвинулось в ней. Пока она не задумывалась – что именно, просто сказала себе: не хочу. Собственно, кто предписал ей закрывать глаза на «шалости» Роба? Не сама ли прикинулась слепой? Ее позиция странная и неадекватная, главное, ничем не объяснимая. Если б Тори полностью зависела от мужа, боялась его потерять, любила бы до беспамьтства – тогда понятно. Но у нее огромный дом, в котором живет одна мама, кстати, не жалующая зятя; есть собственные деньги, полученные от отца по наследству, даже собственное предприятие на паях с матерью, куда заглядывает она раз в месяц, да и то, чтобы повидаться с родительницей. Изредка Тори разбирается в бумагах, помогая матери выкрутиться из скользких обстоятельств, она же юрист по образованию. На ценных советах деятельность заканчивается. Так какого же черта она терпит блудливого мужа? Впрочем, не терпит, а проявляет снисходительность. Ради чего?

Когда Роб вчера объявил, мол, завтра еду по делам, Тори

даже не спросила, почему он уезжает под выходные. Не на Курильские же острова отправляется, куда самолетом лететь долго. Только заметила:

– В воскресенье Лешке девять дней, Наташка позвала нас, значит, тебя не будет на поминках?

Роберт смастерил скорбную и одновременно озабоченную мину, а сказать-то нечего, кроме как:

– Да, нехорошо... Но, Тори, мы живые, у нас накопилась уйма неотложных дел, которые не терпят отлагательств.

– У тебя, – уточнила она.

– Что – у меня?

Кажется, он не слышал то, что говорил! Тори усмехнулась:

– Накопления. Ладно, раз они не терпят отлагательств, поезжай.

Возможно, именно то, что Роб не захотел отдать дань памяти другу, пожертвовав всего-навсего уик-эндом с пассией, и сдвинуло Тори с привычной оси. А не пойман – не вор, значит, пора поймать, так сказать, с поличным. Да-да, внезапно появилась страсть к разрушению, наверное, это закономерный процесс, ибо подготовлен несуразностью бытия. Упаковывая чистые и отутюженные рубашки (слава богу, не она их гладит), Тори не чувствовала вражды к Робу, мало того, ее самолюбие не рвалось на части. Предвидела удар, который нанесет мужу, оттого даже повеселела.

Он застегнул баул, подошел к жене, обнял за плечи, прощаясь:

– Всего два-три дня... максимум четыре...

– Угу, – загадочно улыбнулась Тори.

– Сейчас такси приедет.

– Так иди, – и подставила щеку.

Поцеловав ее, он подхватил баул...

Едва за ним закрылась дверь, Тори схватила приготовленную сумку с платком, на бегу накинула плащ (его взяла у подруги, чтоб Роберт не узнал ее по знакомой вещи) и кинулась к выходу. Подождала, когда зеленое такси отъедет от дома, выбежала на улицу, забралась в автомобиль подруги, который оставила утром на противоположной стороне улицы (специально поднялась ни свет ни заря, чтобы съездить за ним), и утопила педаль газа.

Нагнала такси быстро. Машина остановилась у знака, пропуская автомобили по главной дороге. Тори притормозила, за незначительное время успела повязать платок на голову, обмотав концы вокруг шеи, и надеть солнцезащитные очки. Такси повернуло вправо, она бессовестно, никого не пропуская, втиснулась в поток машин, штуки три авто просигналили, явно обложив матом ее агрессивное вождение. Аварии не случилось, Тори, держась на расстоянии, преследовала зеленую тачку. Поворот. Свернула и она. Еще поворот, пришлось увеличить расстояние, так как дорога оказалась свободной. И еще поворот. Теперь можно приблизиться...

Когда Тори в первый раз узнала, что Роберт завел по-

дружку, то не поверила, решив: злыдни и завистники, которым плохо, если кому-то хорошо, вбивают клин между нею и мужем. Таких случаев сколько угодно, супружеские пары ведутся на клевету, особенно те, которые часто ссорятся, но Тори с Робертом успешно обходили острые углы, представляли собой идеальную пару. Второй раз подруга, видевшая Роберта в обществе молодой сексапильной особы, предупредила: дескать, придержи мужа, он несколько распустился. Не заставили себя ждать и подробности: в кабаке Роб и бедрастая девица танцевали, ворковали, приблизив лица до касания носов, он целовал ей ручки. Не верить подруге не было оснований, но ревнуют закомплексованные, неуверенные в себе женщины. Да и мало ли с кем Роб пьет шампанское в ресторане, может, это была необходимая встреча по работе, он делал все (вплоть до обольщения), чтобы договориться...

Позже мама пришла в ярость, застукав бабу прямо в доме (правда, не в постели), когда Тори с детьми уехала отдыхать. Тут уж и ангел взбунтуется, но раскричаться, пролить потоки слез, жаловаться подругам – это не ее методы. А гордость, а достоинство, а реноме куда девать? Кинуть к ногам Роба? Скорее он достанет зубами свой локоть, чем она унижится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.